

ФРИДРИХ НЕЗНАНСКИЙ

**ОСУЖДЕН!
И ЗАБЫТ**

Фридрих Евсеевич Незнанский

Осужден и забыт

Серия «Господин адвокат», книга 9

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137026
Осужден и забыт: Олимп, Издательство АСТ; М.; 2000
ISBN 5-7390-0976-6, 5-000-00000-0*

Аннотация

Спецслужбы умеют хранить свои тайны, а с теми, кто пытается проникнуть в их секреты, расправляются быстро и беспощадно. Только чудо может спасти человека, попавшего в поле зрения спецслужб... Адвокату Юрию Гордееву пришлось проверить это на практике. Ему предстоит сложная задача – доказать невиновность советского разведчика, много лет назад расстрелянного по приговору об измене Родине. Найти истину – это главная задача адвоката, и здесь не могут помешать ни угрозы, ни шантаж, ни пули киллеров. Жизнь Юрия Гордеева несколько раз висит на волоске, но он добивается своего – невиновный оправдан...

Содержание

1	4
2	19
3	36
4	54
5	87
6	103
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Фридрих Незнанский

Осужден и забыт

1

Сначала было совсем темно. Потом сквозь темноту начал пробиваться красный цвет – вначале едва-едва, потом все сильнее. Свет превратился в ярко-алый, теперь он даже отдавал желтизной. Стало жарко. Потом горячо. Потом вообще невыносимо, просто как в зажженной духовке. Глаза резал ослепляюще-желтый цвет.

Я понял, что дальше так не вынесу, и... открыл глаза.

Яркое южное солнце шпарило прямо в лицо. Скосив глаза и сфокусировав взгляд на часах (чертов браслет со вчерашнего дня сжимал запястье, я присвистнул: половина первого! Хорошо еще, уже сентябрь на дворе, иначе бы сгорел совсем.

Я лежал на широкой гостиничной кровати, почему-то поперек. Попытавшись переместиться в тень, я убедился, что это почти невозможно. Каждое движение отдавалось во всем теле страшной болью. Голова разламывалась на части.

Кое-как перевернувшись на бок, я огляделся. Ну да, все правильно. Это мой гостиничный номер. Одноместный полулюкс. Вон мой чемодан. А на стуле разбросаны вещи – джинсовые шорты, рубашка, трусы. Рядом еще одни трусы –

черные, кружевные. Женские явно...

Черт побери, что значит «явно»?! Ты что, Гордеев, неспособен вспомнить, что с тобой было вчера?

На точно поставленный вопрос надо отвечать так же точно. К этому я приучил себя еще пятнадцать лет назад, когда учился на юрфаке. Умение давать ясные ответы на такие же ясные вопросы – чрезвычайно ценное качество для следователя. И для адвоката, коим я в настоящий момент и являюсь.

Я приподнял голову. Большой чугунный язык колокола, который представлял из себя мой череп, немедленно пришел в движение. Быстро обхватив руками голову, я как-то сумел не допустить удара и огляделся.

Интерьерчик еще тот. Скомканные простыни, мятые подушки, облитые какой-то дрянью (подсознание слабо информировало, что это шоколадный сироп. Каким образом и для чего я его использовал в постели, подсознание деликатно умалчивало), на журнальном столике пара бутылок, перевернутые бокалы, пепельница, полная окурков, пластмассовая емкость из-под пресловутого сиропа. Да и я сам весь в мерзких и липких потеках.

Да, адвокат Гордеев, если бы тебя видели в этот момент клиенты юридической консультации № 10, конец бы пришел твоей карьере.

Хотя неужели я не имею права отдохнуть и расслабиться? Хорошего в пьянстве, конечно, немного, но маленькие слабости присущи любому человеку.

Эта мысль придала мне сил, и я сел на кровати. Голова от-
ветила вспышкой боли. Одновременно я почувствовал силь-
ную жажду.

Вода и аспирин – вот две вещи, за которые я в этот мо-
мент готов был, кажется, продать душу. Кое-как поднявшись
с кровати, я поискал чистый стакан. При виде бутылок, и в
особенности емкости из-под шоколадного сиропа, меня чуть
не вывернуло наизнанку. Стакан найти не удалось, и я отпра-
вился в ванную, откуда доносились мерные звуки капающей
воды.

Ванна оказалась наполненной. Вода была мутной, стран-
ного цвета кофе, сильно разведенного молоком. На поверх-
ности плавала ярко-красная крышечка от губной помады...

Из зеркала, на котором тоже имелись потеки темно-ко-
ричневого цвета, на меня взглянуло опухшее и помятое лицо
с глазами-щелочками и все в каких-то пятнах. Волосы тор-
чали во все стороны. Красные глаза выражали муку.

«Ну и рожа у тебя, Шарапов! Ох рожа...» – пришла в голо-
ву неоригинальная мысль. Впрочем, я не мог ничего особен-
ного требовать от своих напитанных парами алкоголя моз-
гов.

Однако где-то в подсознании у меня вертелись обрывки
тревожных мыслей, которые никак не хотели складываться
во что-то целое.

Я открыл кран и, припав к хрустальной струе прохладной
влаги, выпил не меньше двух литров воды, после чего почув-

ствовал себя намного лучше.

Кое-как приведя себя в порядок, я оделся. Под руку снова попались кружевные трусики. Странно, но их наличие не вызвало ровным счетом никаких ассоциаций. Несколько секунд я тупо глядел на них, потом снова положил трусики на стул.

Теперь надо было найти бумажник, так как я собирался спуститься в холл, чтобы купить в аптечном киоске аспирин. Тут меня ждало разочарование. Бумажника не было. Ни в брючном кармане, ни в сумке, ни среди других деталей моего не слишком богатого гардероба. Какая-то мелочь, вот и все, что мне удалось обнаружить. Самое главное, в паспорте, где я хранил свои основные деньги, с которыми приехал сюда, в Сочи, отдохнуть, тоже было пусто.

Вот это новость! Я сел на кровать и крепко призадумался...

Честно говоря, я не очень люблю курорты. Особенно морские. Переполненные гостиницы, не слишком чистый песок, море, на поверхности которого плавают пластмассовые бутылки и разный мусор, отдыхающие, как тараканы кучкующиеся на берегу, – все это никогда не вызывало у меня никаких приятных эмоций. И я никогда в жизни бы не поехал в Сочи в разгар бархатного сезона, если бы не веская причина, по которой мне нужно было покинуть столицу нашей Родины, город-герой Москву.

Причина именовалась очень просто – Лена Бирюкова.

Может быть, кто-то из читателей помнит о провинциальной гейше, которую мне удалось вытащить из-под обвинения в умышленном убийстве? ¹

После того как с нее были сняты все обвинения, я устроил Лену в нашу юрконсультацию № 10 секретарем-машинисткой. Она восстановилась на юрфаке МГУ и обещала стать неплохим адвокатом: с ее бойким языком, непосредственностью и энергией это у нее бы получилось.

Однако студентов юрфака, обещающих стать хорошими адвокатами, много, а вот богатых студентов – мало. Я бы сказал – крайне мало. А Лена, после того как получила из Швейцарии деньги, завещанные ей богатым любовником, стала богатой.

И тут началось! Так как кроме денег Лена Бирюкова обладала исключительно привлекательной внешностью и природным умом, мужская половина нашей юрконсультации будто с цепи сорвалась. За Леной стали ухаживать все: холостые, разведенные, вдовцы и женатые. Я бы сказал, что семейное положение перестало иметь какое-то значение. Стол, за которым сидела Лена, все чаще стал напоминать цветочную клумбу: цветы ей приносили все, даже Генрих Розанов, несмотря на социальный статус, пару раз приволок ей букеты. В ящиках стола не осталось места для служебных бумаг: все было забито шоколадками и коробками с конфетами. Ле-

¹ См. роман Ф. Незнанского «Гейша».

на щедро делилась добычей с остальными женщинами нашей юрконсультации, что, хотя бы в некоторой степени, позволяло сгладить тихую ненависть, которую они испытывали к пользующейся громадным мужским вниманием сослуживице.

Особую прыть проявлял Славин – известный франт и сердцеед. Кроме цветов и шоколадок он как опытный соблазнитель делал подарки более интимного свойства – носовые платки, колготки и духи и даже такие специальные орехи, в которых вместо ядра помещаются эротические трусики. Думаю, что материальное положение Славина и других мужчин нашей консультации сильно пошатнулось.

Но никаких практических итогов все эти усилия не принесли. Лена принимала подарки, награждала очередного поклонника ослепительной улыбкой, и все. Даже эротические орехи, несмотря на свой прозрачный как стеклышко смысл, не возымели никакого действия. Никаких предложений посетить ресторан, театр, концерт или какое иное культурное мероприятие она не принимала.

Из своего обширного жизненного опыта Лена Бирюкова знала, что культурным мероприятием дело ни за что не кончится, ей придется отваживать окрыленного кавалера, потом начнутся обиды, сплетни и так далее. А это в ее планы не входило. Вообще, ни один мужчина нашей консультации в ее планы не входил. Кроме одного-единственного.

Меня.

Конечно, я понимаю, что мужчина-спаситель в глазах спасенной женщины принимает некие мифологизированные формы. Она не просто благодарна ему, она прямо-таки обожествляет смельчака. И она влюбляется в него. То есть в меня.

Скажу честно, поначалу все было нормально. Я не влюбился в Лену по уши, но красивая, умная женщина не может не вызвать у мужчины определенных эмоций. Разве что он окажется импотентом-женоненавистником. А я таковым не являюсь.

Итак, Славин и все остальные бродили с кислыми рожами, увядшими букетами и подтаявшими шоколадками, пока у нас с Леной был «медовый месяц».

Это было действительно здорово! Лена постоянно навещала мою скромную квартирку, которую я теперь вынужден был снимать, поскольку прежняя вместе с обрушенным домом приказала долго жить, а рассчитывать на компенсацию от правительства пока не приходилось. Предлагали комнату в общежитии, от чего я, естественно, отказался. Конечно, думаю, в итоге ущерб возместят, но когда это произойдет, никто из пострадавших при взрыве дома не знает ².

Вот в этой снятой «хрущобной» квартирке размером 21 квадратный метр Лена и устроила мне настоящее любовное гнездышко. На работу я почти не ходил: Генрих Розанов с пониманием отнесся к моей личной жизни и освободил от

² См. роман Ф. Незнанского «Абонент недоступен».

дежурств на целый месяц.

А потом Лена получила деньги и купила собственную квартиру, так что мы могли находиться теперь в двух местах – где удобнее. Мы зажили вообще замечательно, ходили по лучшим ресторанам и вкушали плоды обеспеченной жизни.

Вот только спустя некоторое время мне надоел этот альфонсизм. Деньги все равно оставались Лениными, а мой щедрый гонорар она тратить не разрешала. Говорила, что это мне на черный день.

Все было бы хорошо, если бы в один прекрасный день Лена Бирюкова не решила, что пришла пора оформить наши отношения законным образом. Кстати, именно так дословно она и выразилась.

Представляете? Вот уж чего не ожидал от Лены, так это стремления наладить семейную жизнь. Кто читал ее дневники, тот меня поймет. К тому же и в мои планы женитьба ну никак не входила.

Я так ей и объяснил. А Лена прямо-таки взбесилась. Никогда не видел ее в таком состоянии. Она орала так, как только может орать базарная торговка. Лена высказала мне, что моя рожа надоела ей хуже телевизионной рекламы. Что с моим жалким интеллектом мне никогда не стать нормальным адвокатом. Что я до старости лет буду в юрконсультации объяснять старухам их права при обмене жилплощади. И никакая дура на меня не позарится.

Я совершенно обоснованно, на мой взгляд, указал на то,

что одна все-таки позарилась.

Лена рассвирепела и вылила на меня поток страшных ругательств и обвинений. В самом конце она заявила, что лучше бы осталась в тюрьме, среди нормальных, приличных людей, чем связалась с таким подонком. И что я на самом деле вытащил ее из дела по обвинению в умышленном убийстве исключительно позарившись на ее деньги.

Вот этого я стерпеть не мог. Я положил ключи на полку и ни слова не говоря удалился в свою квартиру.

А на следующий день я положил в большой конверт деньги, которые Лена Бирюкова заплатила мне в качестве гоно-рара, и оставил его на ее столе среди банок с полусохшими цветами.

«То-то Славин обрадуется», – злорадно подумал я и представил, что, после того как до коллектива нашей юрконсультации дойдет весть о моем с Леной разрыве, поклонники примутся за нее с новой силой.

Ну и пусть. Это теперь меня не касается.

Витя Славин, мой коллега, обладает странной и интересной особенностью: стоит о нем подумать, как он моментально появляется в поле зрения. Оставим ассоциации с народной мудростью о людях, которые легки на помине, – факт остается фактом, Славин появился в конце коридора и на этот раз.

– А-а, Юрок, привет-привет. Как поживаешь?

Я неопределенно пожал плечами. Скоро он сам все узнает.

А мне нужно поскорее уйти отсюда: Лена могла в любую минуту появиться в коридоре, а я подозревал, что мы с ней накопили настолько противоположные заряды, что при встрече непременно произойдет нечто вроде шаровой молнии.

Я уже хотел было направиться к выходу, когда Славин схватил меня за рукав:

– Слушай, Юрок, у тебя нет знакомого, который хотел бы поехать в Сочи?

– Ну, немного найдется людей, которые бы не хотели поехать в Сочи, – автоматически ответил я, думая о своем.

– Ты понимаешь, тут у меня путевка пропадает. Очень хорошая и недорогая. Гостиница, харчи, процедуры всякие. Отдаю за полцены. Я бы тебе предложил, да путевка на одного. А ты у нас... – Славин закатил глаза и сделал руками несколько движений, как будто ощупывая невидимый воздушный шар, что, по его мнению, должно было изобразить состояние моей личной жизни.

– А сам чего не едешь? – спросил я, зная, что Славину в принципе неизвестно такое простое человеческое чувство, как бескорыстие.

– Не могу, – страдальчески скривился тот, – срочное дело подвернулось...

Он замолк, и я понял, что подробности из него вытащить будет совершенно невозможно. Да, собственно, и не больно хотелось-то.

Однако у меня в голове постепенно формировалась

мысль: «А почему бы и нет?» Дел у меня особых в Москве нет, этим летом, как, впрочем, прошлым и позапрошлым, я никуда не выезжал отдыхать по-человечески... Почему бы в разгар бархатного сезона мне не съездить в Сочи? Тем более что после нашего разговора с Леной общение с ней мне строго противопоказано. И даже вредно. Как ни крути, впервые в жизни предложение Славина оказалось как нельзя кстати.

– Давай, – быстро произнес я, – беру.

– Ясно, – понимающе покачал головой Славин, – кого-то из престарелых родственников хочешь облагодетельствовать?

– Да, – ответил я ничтоже сумняшеся, – троюродную бабушку.

Так я оказался в Сочи.

Первые два дня я наслаждался теплым солнцем, морем и отсутствием Лены, Славина, Генриха Розанова, юрконсультации № 10. Все московские реалии моей жизни покрылись будто какой-то дымкой, они стали нереальными и ненастоящими. К концу второго дня я уже начал сомневаться в существовании Лены Бирюковой.

На третий день я познакомился с Томой. Ее крепкие ноги цвета молочного шоколада поразили мое воображение. Мне стало положительно стыдно за бледно-пороссячий цвет собственной кожи. Однако Тому, по-видимому, это совершенно не смутило. Мы до вечера купались в теплой воде, потом пошли в ресторан, потом в бар, потом в другой бар, со стрип-

тизом, а потом поднялись ко мне в номер...

...А потом я проснулся весь в шоколадном сиропе, с дикой головной болью и без копейки денег.

Не надо обладать аристотелевской логикой, чтобы связать эти два события – вчерашнее знакомство с девушкой Томой и мое сегодняшнее состояние.

Немного напрягши память, я вспомнил и подробности вчерашнего разгульного и развратного вечера с Томой, и каким именно образом мы с ней использовали шоколадный сироп.

От этих воспоминаний меня даже передернуло. Эх ты, Гордеев, дурья башка, позволил провести себя как мальчишку! И что теперь делать прикажешь? Денег ни копейки, авиабилет на рейс только через неделю. Знакомых никого. Даже телеграмму дать не на что. Ну не в милицию же идти. Представляю рожу дежурного местного отделения, когда тот узнает, что столичного адвоката провела местная воровка.

Придется звонить в Москву, просить, чтобы деньги выслали срочно. Но ведь опять объяснять придется!

Я сидел на кровати, обхватив гудящую голову ладонями, и думал, что делать дальше.

Вдруг в дверь постучали. Наверное, горничная. Пришла менять постельное белье или что-то в этом роде. Кое-как натянув шорты, я направился к двери.

Пока я шел, постучали еще раз – громко и нетерпеливо.

– Иди, иду! – проорал я и нажал на дверную ручку. Разумеется, дверь оказалась незапертой: когда Тома с добычей выходила из номера, она не позаботилась о замке.

Я не глядя открыл дверь.

Вначале мне показалось, что хмель не до конца выветрился из моей несчастной головы. И что у меня в глазах двоится.

На пороге стояли двое абсолютно одинаковых мужчин. То есть просто неотличимых друг от друга. Мало того, одеты они были в светло-серые элегантные костюмы.

Наверняка это были близнецы.

– Здравствуйте, – сказал один из них, – нам нужен Юрий Петрович Гордеев.

Другой при этом с интересом разглядывал мою помятую физиономию и наряд, состоящий исключительно из потерянных джинсовых шортов. Если, конечно, не считать пятен от злосчастного сиропа.

– Это я. Я – Гордеев.

– Мы к вам. Разрешите? – не терпящим возражений тоном заявил другой.

Они вошли в номер, и мне ничего не оставалось, как посторониться.

Надо сказать, вид у них был довольно-таки серьезный. Больше всего они напоминали мафиози: костюмы, несмотря на теплую погоду, лица без тени улыбок, в глазах непреклонная решимость. «А, будь что будет», – подумал я обреченно и закрыл дверь.

Непрощенные гости вошли в комнату и усадились на страшный бардак, царивший здесь.

– Прошу прощения, – пролепетал я, – у меня тут была небольшая... вечеринка.

Они синхронно закивали и присели на свободные стулья. Тут на свету я разглядел, что все-таки они, несмотря на поразительную схожесть, не близнецы. Один был явно старше, сухопарый, с заметной проседью в волосах. Второй обладал округлым холеным лицом и пышной черной шевелюрой.

– Меня зовут Михайлов, – сказал старший, – Константин Михайлов. Это мой брат, Владислав. Нам надо с вами поговорить.

– Вы не могли бы чуть-чуть подождать, – сказал я, – мне надо принять душ.

Братья снова оглядели меня с ног до головы, и видимо придя к выводу, что мне действительно необходимо привести себя в порядок, кивнули.

Я заперся в ванной. За свое имущество я не опасался: красть у меня теперь все равно нечего. А если они явились с другими намерениями, например убить меня за какое-то из прошлых дел, то так мне, дураку, и надо.

Однако я спокойно принял душ и даже побрился. Выйдя из ванной, я не узнал своей комнаты. Постель была аккуратно заправлена, вещи сложены, бутылки и шоколадные пакетики куда-то делись. Братья все так же сидели на стульях, а горничная (которую они, видимо, и вызвали) наводила послед-

ние штрихи – разглаживала морщинки на покрывале.

Когда она удалилась, старший брат сказал:

– Мы нуждаемся в ваших услугах. Вас нам порекомендовал Вячеслав Грязнов.

Я сел на кровать и приготовился слушать.

«Ничего глупее со мной случиться не могло. Однако случилось. И как же я, взрослый опытный человек, это допустил? Ни за что себе этого не прощу. И как теперь отсюда выбираться? Пить надо меньше...»

Так думал начальник МУРа Вячеслав Иванович Грязнов, сидя в моторной лодке «Казанка», качающейся на волнах Чудского озера. Под ногами у Грязнова стояло ведро с несколькими рыбешками, рядом валялись рыболовные снасти. Одна удочка была заброшена, ее поплавков уже давно трепыхался на поверхности воды. Однако Грязнову было не до рыбы.

«Это ж надо – забыть весла! И не проверить, сколько бензина в баке! – думал Грязнов. – Да и вообще, сидел бы дома, в тепле, нет, поперся рыбу ловить...»

Вячеслав Иванович очень любил Русский Север. Поэтому и приехал в отпуск именно сюда, на Псковщину, в старинный русский город Гдов, к Володе Колычеву, своему старинному приятелю еще со времен Высшей школы милиции. Колычев год назад вышел на пенсию (он был на несколько лет старше Грязнова), а до того занимал пост начальника областного ГУВД. Как это водится у старых друзей, они выпивали, ходили на охоту, по грибы, через день топили баньку на шикарной загородной даче Колычева. В общем, оттягивались

по полной программе.

А сегодня под вечер Грязнову пришла неожиданная мысль – пойти с донкой на леща. Колычев отговаривал его, дескать, лещ давно тут не водится, однако Грязнов был непреклонен. Ничего удивительного: вчера друзья прикончили три бутылки замечательного шотландского виски «Кинг Джордж IV», а сегодня опохмелились ароматной местной зубровкой, которую Колычеву по старой дружбе поставлял директор ликеро-водочного завода. Поэтому ничего странного в непреклонной решимости Вячеслава Ивановича идти вечером на леща не было. Он вывел из лодочного сарая хозяйскую «Казанку», прихватил снасти, мотыля и вскоре уже на полной скорости рассекал воды извилистых протоков, ведущих к Чудскому озеру.

«Красотища-то какая!» – захватывало дух у Грязнова, когда он, ловко управляя лодкой среди прибрежных камышей, глядел вверх – на голубое небо, вперед – на водную гладь и по сторонам, где среди камышей то тут, то там мелькали перелески.

А потом «Казанка» вышла из протоков, и перед Вячеславом Ивановичем открылась бескрайняя гладь знаменитого русского озера.

Грязнов выплыл почти на середину озера, так что берега превратились в тонкую зеленую черту, и закинул удочки. Клевало неплохо, но все больше какая-то мелочь. Лещом, как и предупреждал Колычев, не пахло. Дул свежий ветерок.

День был на удивление солнечный, и Вячеслав Михайлович, пригревшись под брезентовой плащ-палаткой, неожиданно для себя заснул.

Открыл глаза он, уже когда над озером начали сгущаться сумерки.

«Ну, пора домой», – решил Грязнов и попытался завести лодочный мотор. Тот ответил гробовым молчанием. Грязнов сделал несколько попыток, пока до него не дошло, что в баке отсутствует бензин. Поначалу трагическая безысходность момента не дошла до Вячеслава Ивановича. Однако, раскинув мозгами, он понял, что возможности добраться до берега у него нет. Ну разве что ветерок подует и лодку отнесет. Весел он с собой не взял, парус соорудить было не из чего. Да и вообще, кроме плащ-палатки у Грязнова в наличии имелись только рыболовные снасти и старый заржавленный черпак, сделанный из консервной банки, в которой раньше, судя по остаткам надписи, содержался венгерский зеленый горошек «Глобус».

Нет, не может современный цивилизованный человек адекватно оценить опасности, подстерегающие его со всех сторон. Плоды цивилизации, окружающие горожанина, приводят его к самодовольному выводу, что человек давно победил природу, что электричество и телефон проведены в самые отдаленные уголки земного шара и стоит лишь набрать номер, как явятся спасательные вертолеты и...

Вячеслав Иванович с ужасом подумал, что и свой сотовый

телефон он оставил на суше. У него не было даже спичек, чтобы, соорудив факел, привлечь внимание людей. Ощупав карманы, он нашел только бумажник.

Вдалеке послышался шум моторов. Грязнов напряг зрение и заметил, что вдалеке, в сгущающейся синеве сумерек, движутся огни. Потом он разглядел что-то вроде небольшого судна.

– Эге-гей! – заорал Грязнов. – Сюда! Спасите!

Судно, однако, ни на сантиметр не отошло от своего курса и вскоре скрылось.

Грязнов почувствовал себя жертвой кораблекрушения. Ему уже очень хотелось пить – особенно на фоне утешной зубровки. Сосало под ложечкой – Вячеслав Иванович посмотрел на свой улов и с грустью вспомнил, что оставшиеся в живых после катастроф кораблей питаются сырой рыбой. Перед глазами стояли картины виденного недавно фильма «Титаник».

Между тем стало совсем темно. «Ничего, – успокаивал себя Грязнов, – скоро Володька хватится и поднимет тревогу. Шутка ли – начальник МУРа пропал». Эти мысли ненадолго успокоили Грязнова.

Но только ненадолго. Еще через час бессмысленного сидения Грязнов начал замерзать и его снова охватила паника.

«Вот так, – думал он, – и исчезают люди, о которых потом сообщают в милицейских программах по телевизору. Без вести пропал... ушел из дому и не вернулся... особые приметы

– моторная лодка «Казанка» и три удочки-донки... Бр-р-р».

На Чудское озеро опустилась тьма. Грязнов уже не видел собственной руки. Где-то вдалеке мигали какие-то огоньки, но это дела не меняло. Начальник Московского уголовного розыска Вячеслав Иванович Грязнов находился на середине Чудского озера, один, в лодке без весел, с неработающим мотором, без всякой связи...

Тишину нарушал лишь тихий плеск волн о стеклопластиковые борта «Казанки». Сверху на Грязнова смотрели яркие, не по-городскому крупные звезды и перемигивались между собой. Узкий, как волосок, серп луны совсем не давал света.

Вдруг Вячеслав Иванович почувствовал, что его ноги как-то очень уж замерзли. Он пошевелил пальцами и понял, что яловые офицерские сапоги, выделенные ему Володи́ей Колычевым для рыбалки, охоты и прочих выходов на природу, предательски промокли.

Грязнов потрогал дно лодки и с ужасом понял, что воды в ней почему-то по щиколотку. Ничего подобного, пока было светло, не наблюдалось. Значит... Грязнову не хотелось верить, что лодка начала протекать. Он схватил самодельный черпак «Глобус» и начал судорожно вычерпывать воду.

Через пять минут он согрелся. Через десять понял, что вода прибывает. Еще через пятнадцать минут Грязнов обнаружил, что воды в лодке становится все больше и больше, несмотря на его титанические усилия.

Вскоре стало заливать за голенища сапог. Лодочные банки

покрыло водой. Грязнов отбросил бессмысленный черпак и схватился за еще сухие борта лодки.

Через некоторое время он оказался в воде. «Казанка» благополучно пошла ко дну.

«Ко всему прочему я не взял с собой спасательный жилет», – тупо подумал он.

– Спасите-е-е! – заорал Грязнов во все горло. – Тону-у-у! Он действительно тонул...

...Грязнов открыл глаза и увидел то, что видит каждый человек, лежащий на спине. Потолок.

«Где я?» – пришла в голову усталая мысль.

Судя по потолку, место было неплохое. Большая хрустальная люстра висела в центре золоченой лепной розетки. Такая же лепнина украшала потолок по периметру. Грязнов повернул голову на подушке и огляделся. Старинная мебель с гнутыми ножками. Большие фарфоровые вазы. Камин с весело потрескивающими в языках пламени дровами. Мягкие кресла.

«Так вот он какой – рай», – подумал Грязнов и тут же отбросил от себя эту дурацкую мысль. Вячеслав Иванович был закоренелым реалистом и отвергал всякие домыслы о загробной жизни.

Вячеслав Иванович вспомнил все: и как мерз на середине озера, и как тонул, и как оказался в воде... Он постарался представить, какая такая сила могла перенести его из холодной и совершенно неуютной озерной воды в комнату с леп-

ным потолком и старинной мебелью. Логического объяснения этому не было.

Вдруг в поле зрения Грязнова показалась фигура. Плотная женщина в темном платье подошла к камину и поворошила дрова кочергой с блестящим набалдашником. Потом повернулась к Грязнову. Она точь-в-точь была похожа на бабушку с пакета молока «Домик в деревне» – седые, зачесанные назад волосы, очки, аккуратный крахмальный воротничок, белый фартук с оборками. Женщина приятно улыбалась.

Увидев, что Грязнов смотрит на нее, она ласково склонила голову:

– О, вы уже проснулись? Это очень хорошо. Как себя чувствуете?

Грязнов попытался оценить собственное состояние и поставил себе оценку «удовлетворительно с плюсом». Ноги еще не до конца отогрелись, внутри ощущалась нервная дрожь, в гортани стоял противный привкус воды Чудского озера.

– Спасибо, – удивляясь звуку собственного голоса, произнес он, – нормально.

– Вот и хорошо, – обрадовалась старушка, – вот и ладненько. Сейчас я принесу вам теплого молока со сливочным маслом!

«Хорошо бы водки», – подумал бывалый Грязнов, но вслух ничего не сказал.

Старушка принесла молоко в большой чашке с замысловатой золотой вязью. Положила перед Вячеславом Ивановичем специальный столик, для того чтобы есть в кровати (такие столики Грязнов раньше видел только в кино), поставила на него чашку.

– Пейте, – улыбаясь сказала она, – это вкусно.

Грязнов выпростал руки из-под одеяла (кожа сразу покрылась пупырышками, несмотря на жар, идущий из камина), взял чашку и сделал глоток обжигающего сладкого молока, на поверхности которого блестели золотые медальоны растопленного сливочного масла. Тепло сразу же разлилось по гортани, потекло в желудок. «Пожалуй, это будет лучше водки», – решил Грязнов и жадно выпил сразу половину чашки. Он чувствовал, как по телу разливается тепло.

Старушка одобрительно кивала, глядя на румянец, постепенно проявляющийся на щеках Вячеслава Ивановича.

– Вот и хорошо, – сказала она, – а мы уже думали, что вы серьезно заболаете. Шутка ли – барахтаться в холодной воде. И как это вас угораздило?

– Пробоина в лодке, – ответил Грязнов, – порывачить решил и вот...

– Не местный?

Грязнов покачал головой:

– Москвич.

Старушка понимающе кивнула:

– Сразу видно – городской.

- А кто меня спас? – решил Грязнов прояснить ситуацию.
- Константин Алексеич подобрал.
- А кто это? – поинтересовался Грязнов.

Старушка улыбнулась, как улыбается профессор высшей математики, видя, что его студент не знает таблицы умножения.

– Видать, вы совсем недавно приехали, раз ничего о Константине Алексеиче не слыхали.

Внезапно раздался тонкий писк. Звук исходил из небольшого пейджера, прикрепленного к поясу бабушки. Грязнов поначалу и не заметил черной пластмассовой коробочки. Бабушка посмотрела на экранчик пейджера и торопливо убрала столик с кровати Грязнова, забрала у него пустую чашку и пошла к двери.

– Меня вызывают, – бросила она на ходу, – через полчаса обед. Вон на стуле халат для вас.

И она удалилась.

Вся эта история заинтриговала Вячеслава Ивановича. Неожданное спасение, барские хоромы, служанка с пейджером... И это в псковской глуши! Интересно...

«Константин Алексеевич, – повторил про себя имя своего спасителя Грязнов, – видно, большая шишка. Небось имеет отношение к власти. А может, местный криминальный авторитет? Хотя чаще всего это одно и то же...»

После молока захотелось есть. Грязнов огляделся вокруг в поисках часов. На каминной полке стоял старинный хро-

нометр. Вячеслав Иванович встал, надел шелковый стеганный халат и подошел к камину. Часы «Павел Буре» показывали половину шестого.

«Так, – машинально прикинул Грязнов, – из дома я вышел в три дня, на озере был около четырех, потом стемнело... Темнеет рано, примерно в пять-полшестого».

Он глянул в окно – за тюлевой занавеской сгущалась холодная осенняя синева.

«Пока я тонул, пока туда-сюда... Это что ж значит, я тут уже около суток?!»

Он подошел к окну. Судя по высоте, второй этаж. Аккуратный парк, одинокие и редкие желтые пятнышки на пожелтой траве говорили о том, что дворники тут работают исправно. Широкая асфальтовая дорога, скрывающаяся между деревьев.

Грязнов почти прильнул к стеклу и разглядел крыльцо, нет, пожалуй, подъезд с гранитными ступенями и начищенными медными перилами. Перед подъездом стоял «рэндж ровер» последней модели. Вячеслав Иванович обожал внедорожники, и взгляд его надолго остановился на благородных изгибах корпуса машины.

«Хозяин явно человек очень обеспеченный. На таком джипе впору королеве Англии ездить...»

Больше в окне ничего интересного не было, и Грязнов отошел. Из комнаты вели три двери – одна та, в которую вышла старушка, и еще две. За ними оказалась ванная и туа-

лет. Сантехнические средства были под стать остальной обстановке, Грязнову показалось даже, что унитаз и ванна сделаны из чистого мрамора.

«Как есть хоромы царские», – подумал он.

С каждой минутой Вячеслав Иванович чувствовал себя все лучше.

Тут открылась дверь и снова вошла старушка.

– Пожалуйста обедать, – сказала она приветливо, – хозяин вас ждет.

Грязнов пошел за ней. Коридор оказался довольно длинным. По стенам висели рога оленей и лосей. Видно, хозяин был заядлым охотником. По пути Вячеслав Иванович заметил даже пару крокодилийх голов и одну – носорожью.

Через минуту они оказались в огромной гостиной. За большим обеденным столом, в торце сидел человек. Он был довольно молод – ну, может, чуть-чуть за сорок. Одет хозяин был в безукоризненный костюм с дорогим галстуком.

Увидев Грязнова, хозяин улыбнулся, однако не сделал ни единого движения, чтобы подняться. Он кивнул Грязнову и указал на стул по правую руку от себя. Грязнов сел.

– Ну здравствуйте, утопленник, – приветствовал его хозяин, – заставили вы нас поволноваться. Пришлось врача из области вызывать.

– Спасибо вам, – искренне сказал Грязнов.

– Что, рыбачил небось? – довольно фамильярно произнес хозяин, делая Грязнову знак, что он может приниматься за

еду.

Вячеслав Иванович кивнул:

– Да. А потом оказалось, что в баке бензина нет, весла забыл, а в лодке пробоина.

Хозяин хохотнул:

– Не здешний?

Грязнов покачал головой:

– Нет.

Старушка служанка сняла крышки с блюд, и вокруг распространились восхитительные запахи жареного поросенка, утки с яблоками, осетрины под каким-то немыслимым соусом и массы других блюд.

– Ну что, – сказал хозяин, разливая по рюмкам водку из хрустального графина, – со вторым рождением!

Они чокнулись и выпили.

Закусив водку нежнейшим фаршированным баклажаном, Грязнов подумал: «Нет. Водка все-таки лучше молока будет!»

– Значит, не местный... – продолжил хозяин, – из Москвы?

Грязнов кивнул, уминая кусок поросенка, который в буквальном смысле таял во рту.

– Ну давай за знакомство. Кстати, меня Константин зовут.

– Очень приятно. А я – Вячеслав.

– Да... – задумчиво протянул хозяин. Вообще, Грязнов заметил, что он постоянно как будто бы отсутствует, одно-

временно думает о чем-то своем.

– Хорошо тут у вас, – сказал Грязнов, – природа. Вот на недельку к старинному приятелю приехал.

– К кому? Мы тут всех знаем.

– К Колычеву.

– О-о, – протянул хозяин, – личность известная. Пока на пенсию не вышел, вся окрестная братва как осиновый лист перед ним дрожала. Вот так он их держал.

Хозяин поднял руку и сжал кулак. Грязнов обратил внимание, что кулак оказался не слишком мощным: хозяин обладал узкой изящной ладонью с длинными музыкальными пальцами.

– А теперь, – он махнул рукой, – разболтались все.

Хозяин снова взял вилку и, нанизав прозрачный ломтик семги, отправил его в рот.

– А вы по какой части? – поинтересовался Грязнов.

– Так... – неопределенно ответил хозяин, – всем помаленьку занимаемся.

Выпили еще.

– А вы что, коллеги с Колычевым?

– Да... в некотором роде, – ответил Грязнов. «Вот будет сюрприз, – подумал он, – когда хозяин узнает, что человек, которого он выловил из Чудского озера, не кто иной, как начальник Московского уголовного розыска! А может, и не стоит ему говорить об этом?»

И тут Грязнов вспомнил, что, перед тем как идти на озе-

ро, зачем-то сунул в карман документы. Среди них имелось и удостоверение. Так что хозяину, прояви он любопытство, ничего не стоило узнать, кто такой его неожиданный гость.

– Значит, тоже по милицейской части?

Вячеслав Иванович отрезал еще кусок розовой поросятины и сказал, в упор глядя на хозяина:

– При мне были документы. Я думаю, вы на всякий случай заглянули в них. Мало ли что...

Хозяин хохотнул и одобрительно покачал головой:

– Сразу видно хватку матерого сыщика. Да, я посмотрел. Хотя, надо сказать, поначалу не поверил. Ну сами посудите: плыву я на своем катере, вижу барахтающегося в воде человека, вылавливаю его, спасаю, можно сказать, от гибели. А потом оказывается, что это не кто-нибудь, а главный сыщик страны. Начальник Московского уголовного розыска, легендарной Петровки, 38! Ну не фантастика ли?!

– Да, – вынужден был согласиться Вячеслав Иванович, – звучит весьма неправдоподобно. Сам я, прочитав такое, скажем, в детективном романе, ни за что бы не поверил. А если документы фальшивые?

Хозяин весело покачал головой:

– Нет, документы настоящие. Я наводил справки. У меня за сегодняшнее утро образовалось небольшое досье на вас. С фотографиями, копиями документов, даже биография ваша имеется.

– Ого-го! – изумился Грязнов. – Оперативно работаете!

– Это не я, – скромно заметил хозяин, – это помощники у меня хорошие. Ну и связи соответствующие в столице.

– Ну что же, – поднял рюмку Грязнов, – теперь я ваш должник. Выпьем за знакомство.

Хозяин опрокинул рюмку в рот и закусил маринованным грибочком.

– Очень рад с вами познакомиться, Вячеслав Иванович.

«Еще бы, – подумал Грязнов, – по всей видимости, он местный воротила. Возможно, и скорее всего, связанный с криминалом. А какой же авторитет не будет рад знакомству с начальником угро, да еще заполучить его в должники!»

Но вслух Вячеслав Иванович не сказал ничего, а только вежливо кивнул.

– Вот так и живем, – сказал хозяин без всякой видимой связи с предыдущей фразой.

Он глянул на Грязнова пристально, стараясь будто бы заглянуть тому в самую душу.

– Вы, Вячеслав Иванович, наверняка думаете, что попали к криминальному авторитету? – сказал он, отведя глаза. – Ничего странного, я бы и сам так подумал, увидев все это.

Он описал кончиком вилки широкую дугу, указывая на обстановку гостиной.

– А тем более в наших нищих краях... – добавил хозяин.

«Эх, Грязнов, – пожурил сам себя Вячеслав Иванович, – стареешь ты, видно, мысль свою скрывать от собеседника разучился. Хотя угадать, что я думаю в данный момент, смог

бы кто угодно».

– Признаюсь, – весело ответил Грязнов, – ваше жилище хочешь – не хочешь наводит на определенные мысли.

Хозяин вздохнул и пожал плечами.

– Что ж поделать? Но могу вас уверить – все это куплено на честно заработанные деньги. Я не криминальный авторитет, хотя, разумеется, не могу не вступать в контакт с ними. Я не имею отношения к власти. Не имею генеральского чина. Я обычный бизнесмен.

Грязнов с интересом слушал своего собеседника.

– И чем же вы, если не секрет, занимаетесь?

– Не секрет. Экспортирую лес. Вот и все.

Он снова разлил водку по рюмкам.

– Просто я делаю это с умом.

Большие часы, которые висели на стене, пробили один раз. Грязнов глянул на циферблат. Половина седьмого.

– Ну спасибо вам. А теперь пора и честь знать, – сказал Грязнов, – тем более Володя Колычев волнуется небось.

– Я его предупредил, – негромко сказал хозяин.

– Гм, – удивился Вячеслав Иванович, – вам надо у нас на Петровке работать. Нам такие нужны.

– Спасибо за приглашение.

Он вскинул глаза к Грязнову, и тот увидел в них нечто большее, чем просто интерес к его персоне.

– У меня есть к вам разговор. И одна... – он замялся, – небольшая просьба.

– Я весь внимание.

Хозяин жестом пригласил Грязнова перейти к камину, в котором весело плясали языки пламени.

– Коньяку?

– Пожалуй.

Грязнов взял большой бокал с бесценным «Hennessy X. O.» и приготовился слушать.

– Для меня большая удача, что я выловил из озера именно вас, – начал хозяин, – мне нужна помощь. Помощь в одном весьма деликатном вопросе...

Покрытая слоем рыжей ржавчины монтировка едва не касалась полированного бока «Волги». Конец монтировки то и дело описывал неширокую дугу и каждый раз проходил в сантиметре от крыла машины. Петя Адоскин следил за движениями монтировки, и в голове у него пролетали совсем несвоевременные мысли о недавнем капремонте, стоимости окраски машины, о том, что сегодня надо бы еще успеть что-нибудь заработать...

Однако в настоящий момент совсем о другом надо было думать Пете Адоскину.

– Ну, гидждыллах ³, я тебе что говорил в последний раз? Я тебе говорил, чтобы ты сюда не совался?

Невысокий чернявый парень в кожаной куртке в упор глядел на таксиста. Рядом стояли несколько человек, по виду тоже кавказцы.

Монтировка легонько коснулась машины.

– Да, говорил, – вынужден был признать Петя.

Действительно, недели две назад, когда он появился здесь, на площади перед Курским вокзалом, его вот почти так же остановили люди Хусейна, местного авторитета, который контролировал не только всю торговлю на вокзале и приле-

³ Грубое азербайджанское ругательство.

гающих к нему улицах, но и таксистов, для которых это место было одним из самых хлебных в Москве.

С юга нескончаемым потоком сюда шли поезда, набитые торговым людьми, которые тащили и тащили за собой огромные баулы из прочного материала с белыми и голубыми полосками. Торговцы платили таксистам щедро, рассчитывая отработать все накладные расходы на бесчисленных московских рынках. Поэтому таксисты слетались на Курский как мухи на мед. И вот тут их поджидали люди Хусейна.

– Говорил, что, если еще раз на Курском вокзале увижу, зарежу?

И тут Петя спорить не стал. Тем более что тяжелый загнутый конец монтировки переключался ближе к лобовому стеклу его «волжанки».

– Ну, может, мы договоримся, Мамед? – примирительным тоном предложил Петя.

Мамед покачал головой с копной черных как вороново крыло и жестких как одежная щетка волос:

– Нет. Договариваться не будем. Будешь делать, что мы тебе скажем. Баша душурсян? ⁴

Петя с тоской подумал, что если бы уехал сегодня на полминуты раньше, то не было бы этой нервотрепки. А теперь хрен знает чем все это закончится. И для него, и для машины.

Если бы только знать, что все так обернется, ни за что Пе-

⁴ Понял? (азерб.)

тя Адоскин не пошел бы двадцать лет назад на курсы вождения. И тем более не стал устраиваться на работу в таксопарк. За эти двадцать лет пришлось пережить немало. И в аварии попадал, и был на волосок от гибели, когда грабители приставляли холодное стальное лезвие к его горлу. Приходилось возить проституток, которые норовили расплатиться не деньгами, а собой, их клиентов, которые просили подождать, пока не сделают свое дело на заднем сиденье. Всякое бывало. Но теперь, когда, кажется, такси в Москве стало больше чем жителей и за каждого клиента приходилось в буквальном смысле рвать глотку, работать стало просто невозможно. Да еще на каждой хлебной точке с тебя норовят содрать деньги... Вот как сейчас.

Монтировка между тем стучала по стеклу все сильнее и сильнее. В голове у Пети заплясали цифры цен на лобовые стекла.

– Сейчас плати неустойку. Потом разговаривать будем.

У Пети засосало под ложечкой. Если из тех грошей, что он сегодня заработал, отдать Мамеду, как он выразился, «неустойку», то, считай, сегодняшний день прошел впустую.

– Сколько, Мамед?

– А это мы сейчас посмотрим, – обнажил желтые зубы Мамед и кивнул своим ребятам.

Те моментально обыскали Петю и залезли во все тайники, куда шоферы обычно складывают выручку. Мятые бумажки образовали небольшую горку на капоте.

Петя посмотрел вокруг. Вокзал жил своей обычной жизнью. Пассажиры с чемоданами и баулами сновали туда-сюда по площади. Метрах в десяти лениво курили два сонных муниципала. Казалось, даже если Мамед ради развлечения устроит на площади стрельбу по прохожим, они не двинутся с места.

– Три тысячи с мелочью, – сказал Мамед, когда деньги были подсчитаны, – я беру половину. Ты видишь? Чтобы потом не сказал, что тебя плохой Мамед ограбил.

Петя горько усмехнулся. Интересно, а как это называется? Но вслух, естественно, ничего не сказал.

Мамед отсчитал половину денет, а остальное пододвинул в сторону Пети.

– А теперь будем разговаривать. Ты же знаешь, мы тут не только для того, чтобы деньги собирать. Мы для вас тут стоим. Для тебя. Иначе сюда со всей Москвы такси приедут. И что? Цены сразу упадут. Будешь за десять рублей в Мытищи везти. Тебе это надо?

Петя покачал головой. Логика, которой обладали кавказские люди, когда дело касалось денег, всегда вызывала у него уважение. Азербайджанец мог обставить дело так, что ты отдавал ему деньги и еще при этом благодарил...

– Так что сам понимаешь – без нас вы бы пропали. Правильно я говорю, Муса? – обратился он к стоящему рядом толстяку в необъятных размеров кожаной куртке.

Тот с готовностью закивал.

– Вот видишь, – продолжил Мамед с таким видом, как будто мнение Мусы было истиной в последней инстанции, – в другое время я тебе сам сказал бы – приезжай, дорогой, работай, корми детей, жену... У тебя дети есть?

– Есть, – соврал Петя.

– Вот, – обрадовался Мамед, – но сейчас, понимаешь, гардаш ⁵, мест нет. Все забито. Видишь, уже таксишники почти в очередь выстраиваются за клиентом. А надо, чтобы наоборот.

Он помолчал, будто бы прикидывая, потом сказал:

– Но если хочешь, езжай в Шереметьево. Там у меня есть приятель.

Петя кивнул.

– Но ты понимаешь, ничего бесплатно не бывает.

Петя вздохнул:

– Сколько?

Мамед кивнул в сторону купюр, все еще лежащих на капоте.

Петя покачал головой:

– Не могу, Мамед. Это все, что я зарабо...

Конец монтровки стукнул по лобовому стеклу. Петя понял, что торговаться бессмысленно. Злость стиснула грудную клетку и поднялась выше, к горлу.

– Яхшы, гардаш ⁶. Договорились. – Мамед улыбнулся и

⁵ Брат (азерб.).

⁶ Хорошо, брат (азерб.).

сделал знак своим, чтобы они забрали оставшиеся деньги.

Петя с болью в сердце проследил, как его деньги без остатка переключались в карман Мамеда.

– Ладно. Езжай в Шереметьево, там найдешь Акифа. Его все знают. Скажешь, от меня. Он поможет.

Мамед отвернулся и, сделав знак своим, пошел в сторону вокзала. А Пете Адоскину ничего не оставалось, как, кляня все на свете, завести свою «волжанку» с намерением ехать в сторону Шереметьева.

– Эй, стой! – вдруг услышал он крик Мамеда.

Петя затормозил. Мамед подошел, открыл дверь и сел на переднее сиденье.

– Поеду с тобой. Все равно по дороге.

Меньше всего Пете Адоскину хотелось, чтобы Мамед, который две минуты назад фактически ограбил его, ехал с ним в машине. Но пришлось проглотить и это...

Мамед развалился в кресле и закурил сигарету.

– Ну что, брат, тяжело живется?

Петя кивнул. Разговаривать ему совершенно не хотелось. Он вел машину по Садовому в сторону Маяковки.

– Да, – задумчиво сказал Мамед, – у всех сейчас жизнь тяжелая. Кому легко? Ты думаешь, мне хорошо?

Он покачал головой.

– Нет. Ошибаешься. Знаешь, сколько работать приходится? Ишачу как амбал.

Петя посмотрел на часы. Было около пяти. Скоро начнет

темнеть. А у него в кармане гуляет ветер.

– Целый день крутишься, крутишься, крутишься... – продолжал Мамед. – Тому дай, этому дай, милиции дай...

Петя свернул на Тверскую-Ямскую и поехал в сторону Ленинградского шоссе.

– ...На кусок хлеба не хватает, клянусь, честное слово... – сказал Мамед, закуривая новую сигарету.

Желтый металл увесистой печатки на мизинце Мамеда тускло сверкнул в свете уличного фонаря. Петя хмыкнул:

– Если тебе так плохо живется, почему на другую работу не идешь?

Мамед улыбнулся. Видимо, ему такая мысль в голову не приходила.

Петя вел машину, и постепенно, слушая разглагольствования Мамеда, у него внутри поднималась злоба. Ешкин кот, ну ведь он только что забрал все твои деньги! Ты мужчина или нет, Петр Адоскин? Неужели ты не можешь защититься от этого мудака?

За окном промелькнуло метро «Речной вокзал». Петя смотрел на дорогу, и у него в голове зрела мысль. Он опустил руку под сиденье и нащупал холодную сталь монтировки – универсального оружия водителя.

– Да-а, – протянул ничего не подозревающий Мамед, – а у нас еще тепло. Хурма растет, инжир... Хорошо! Ты куда?

Последняя фраза была реакция на то, что Петя внезапно свернул на узкий проселок.

– Воды набрать надо, – негромко сказал Петя первое, что пришло в голову.

– Почему около крана не остановился? – заволновался Мамед. – Э-э, мне срочно в аэропорт нужно. Давай сворачивай обратно.

– Сейчас, Мамед, воды только наберу, – твердил свое Петя.

Он остановил машину у небольшой рощицы.

– Ара, ты мне мозги не делай! – Мамед явно чувствовал неладное. – Где ты здесь воду увидел?!

– Там, – махнул рукой в неопределенном направлении Петя, между тем доставая монтировку из-под сиденья.

Мамед, увидев железяку, побледнел. И попытался открыть дверь. Но крепкая шоферская рука Пети Адоскина остановила его.

– Тебе чего надо? – заскулил Мамед. – Ты что задумал?

– Отдай мои деньги, – негромко сказал Петя.

Мамед без лишних разговоров достал из кармана ворох бумажек и протянул его Пете.

– На, возьми. Там не только твои.

Петя взял деньги и отпустил Мамеда.

– А теперь иди пешком.

Мамед понял, что опасность миновала, открыл дверь и с улыбкой проговорил:

– Ну смотри, Петя, я тебя запомню. Ты в Москве больше работать не будешь. Это я сказал.

Петя рванул машину с места и через минуту выехал на шоссе. Только тут он собрался с мыслями. В сущности, чего он добился? Нажил себе еще одного врага. Мамед теперь действительно будет преследовать его при каждом удобном случае. Впору менять профессию.

Конечно, некоторая часть самых лихих московских таксистов не подчинялась никаким бандам, не платила дань. Но их работа больше напоминала вылазку партизан в тыл врага. Все время надо уворачиваться от «контролеров», стараться, чтобы тебя не заметили, а то и уходить от погонь. Пете Адоскину такая перспектива не нравилась. Но сделанного не воротишь. Теперь или воюй, или переквалифицируйся в управдомы.

Между тем Петя вел машину в сторону Шереметьева. Уже показались темно-серые кубы здания аэропорта.

Петя решил ехать. В конце концов, надо же когда-то начинать воевать!

Ему повезло. Пассажира Петя нашел почти сразу. Стоило его «волжанке» подъехать к автоматическим стеклянным дверям, как оттуда неторопливо вышел человек среднего роста, в хорошем костюме, плаще, с дорожной сумкой в руке. К пассажиру тут же бросились поджидающие клиентов таксисты. Но Петя оказался проворнее. Он раскрыл дверь машины прямо перед пассажиром, и тому ничего не оставалось, как сесть в нее.

Больше всего человек походил на иностранца. В нем при-

существовал какой-то ненашенский лоск. Аккуратная стрижка, замечательный пестрый галстук, элегантный плащ. Он был раскован и вместе с тем вел себя как-то очень сдержанно. Короче говоря, опытный таксист Петя Адоскин сразу определил в нем выгодного клиента. Такие никогда не торгуются из-за лишнего рубля, щедро платят чаевые, но требуют, чтобы в их отношении не применяли разных таксистских приемчиков типа кружной езды. Они всегда прекрасно знают маршрут.

Хотя по поводу последнего Петя засомневался. Как-то не слишком уверенно озирался пассажир, выйдя из здания аэропорта. Складывалось впечатление, что он здесь первый раз.

Мешкать было нельзя. Краем глаза Петя уже заметил несколько силуэтов людей, которые, скорее всего, были подручными Акифа, или как там его назвал Мамед. Чем быстрее уберешься отсюда, тем лучше.

Петя ловко вырулил в почти сплошном потоке машин, миновал эстакаду и только тут спросил:

– Куда едем?

Пассажир сделал задумчивое лицо:

– В гостиницу. В этот... в «Метрополь».

Точно иностранец, подумал Петя, обратив внимание на заметный акцент в его речи. Впрочем, внешность у пассажира была вполне славянской.

В конце концов, какая разница! Клиент как клиент. Петя

выехал на шоссе и покатил в сторону Москвы. Настроение сразу улучшилось. Если человек едет в «Метрополь», ну даже, может быть, и не с целью там жить, все равно деньги, скорее всего, у него водятся.

Клиент вынул пачку сигарет и щелкнул золотистой зажигалкой. Приоткрыл окошко. При этом не сразу нашел ручку для опускания стекла. Опять же это выдавало иностранца. Ну какой, скажите на милость, русский человек незнаком с расположением рукояток в родной «Волге»?

Петя не мудрствуя лукаво бодрым голосом спросил:

– Иностранец?

Клиент пожал плечами:

– Ну, в общем, да.

– Откуда?

– Из Америки.

Петя одобрительно закивал:

– Хорошо там у вас?

– Неплохо.

– А сам-то эмигрант, что ли?

– Да, эмигрант, – попыхивая ароматной сигаретой, отвечал пассажир.

– Давно уехал?

– Давно...

– Ну и как, нравится?..

Петя вел машину, между делом поддерживая с пассажиром обычный таксистский разговор о том о сем. Петя болтал,

пока не заметил, что пассажир как-то странно поглядывает в зеркало заднего вида. И следующий Петин вопрос он обрвал:

– Сверни-ка куда-нибудь.

Петя покровительственно усмехнулся:

– Куда это свернуть, командир? Здесь одна дорога.

– Неважно, – сказал пассажир, – сверни.

Есть такой тип пассажиров, который не любят таксисты. Это клиенты, которые считают себя умнее водителя и постоянно дают советы по поводу того, куда и как ехать. Особенно ретивые пытаются участвовать даже в процессе вождения, постоянно советуя – «переключи на вторую», «перестраивайся», «обгоняй» и так далее. Эти советы страшно раздражают таксистов.

Петя аж посерел, услышав от пассажира требование свернуть. Он посмотрел на клиента осуждающим взглядом и процедил:

– Тебе в «Метрополь»? Так я туда и еду. А если свернуть, мы попадем в Химки. Ты скажи, может, тебе туда и надо?

Тревога на лице пассажира, однако, становилась все более заметной. Петя проследил за его взглядом. В зеркале заднего вида маячил черный джип. Марку разглядеть было трудно, да и незачем. Петя вспомнил, что еще в аэропорту заметил эту машину. А может, не эту? Джипов сейчас развелось как собак нерезанных...

– Это что, за тобой, что ли? – поинтересовался бывалый

Петя. А сам с тоской подумал: «Только этого мне не хватало. Вот так – с виду приличный человек, а на самом деле бандит!»

– Сверни куда-нибудь! – почти крикнул пассажир и даже потянулся к рулю. Этого Петя вытерпеть не мог. Он решил от греха подальше послушаться пассажира. Да вот беда, как назло, ни одного поворота.

– Сейчас, сейчас, – сказал Петя, – видишь, нет поворота. Как только будет поворот, сразу сверну.

Метров через сто справа показался проселок. Петя резко свернул. По днищу застучали камешки. Вскоре джип снова замаячил в зеркале заднего вида.

Пете происходящее нравилось все меньше и меньше. Наживать себе на задницу дополнительные неприятности к тем, что уже имелись, нет уж, увольте.

Джип приближался.

– Ну вот что, командир, – начал он, – я в догонялки играть не буду. Себе дороже.

Пассажир, ни слова не говоря, полез во внутренний карман и достал бумажник.

– Вот двести долларов. Получишь, если уйдем от них.

Петя покачал головой.

Пассажир прибавил еще сотню.

Тут Петя заметил, что за джипом едет еще одна машина. Это была красная «девятка». А за рулем... Разобрать было трудно, но Петя узнал эту машину. «Девятка» принадлежа-

ла Мамеду. Судя по всему, горячий кавказец все-таки решил отомстить таксисту. В машине, судя по всему, сидело несколько человек.

Теперь у самого Пети появилась необходимость уходить от погони.

– Ладно, давай деньги, – небрежно сказал он, забирая асигнации у пассажира. Таксист никогда не должен терять присутствия духа. Особенно если это касается денег.

– Ну, – решительно перехватив руль, произнес он, – давай, родимая!

Раздумывать было некогда. Он почувствовал себя гонщиком «Формулы-1». Каким-нибудь Шумахером.

Петя переключил скорость и вжал в пол педаль акселератора. Взревел мотор, и «Волга» стремительно понеслась по проселку. Стрелка на спидометре прыгнула к отметке «120». Камешки как сумасшедшие барабанили по днищу.

Расстояние между ними и джипом резко увеличилось. «Девятка» вообще скрылась за поворотом.

По сторонам дороги проносились шикарные дома одного из элитных коттеджных поселков. Хотя вряд ли в ближнем Подмосковье остались поселки, которые можно было бы называть не элитными.

Пассажир сидел вжавшись в кресло и не отрываясь глядел в зеркало заднего вида.

Джип снова стал приближаться. Его мощный мотор наверняка мог дать большую фору двигателю Петиной «Волги».

«Если так пойдет и дальше, – подумал Петя, – они скоро нас догонят. И тогда... Тогда, Петр, тебе эти триста долларов не пригодятся...»

В кабине джипа можно было разглядеть только один силуэт.

– А может, наоборот, остановимся и потолкуем? – предложил Петя своему пассажиру. – Все-таки он один, а нас двое.

Тот отрицательно покачал головой. И ничего не ответил.

– Ну нет так нет. Попробуем уйти.

Джип подскакивал на ухабах и мало-помалу нагонял «Волгу». У Пети засосало под ложечкой. Если ничего не произойдет, ну, например, не лопнет баллон у джипа, преследователь догонит их. И совсем скоро.

«Хорошо еще, встречных машин нет, – промелькнула мысль в голове у Пети, – иначе капец...»

– А чего он хочет? – спросил Петя просто для того, чтобы сказать хоть что-нибудь.

Пассажир печально улыбнулся и снова промолчал.

Впереди, совсем рядом, показалась какая-то дорогая машина, кажется «БМВ». Ничего не подозревающий шофер шархнул в сторону от мчащейся с бешеной скоростью «Волги». Петя крутанул руль, и его чуть не занесло в сторону. По спине пробежал холодок: крепкий добротный бетонный забор, который тянулся параллельно дороге, не оставил бы никаких надежд. Передок «Волги» превратился бы в лепешку. Вместе с пассажирами.

А вот с джипом встречной машине повезло меньше. Преследователь все-таки задел крыло «БМВ», она крутанулась, встала перпендикулярно и замерла. Джип, сделав неширокую дугу, вернулся на дорогу.

Между тем машина Мамеда куда-то подевалась. «Хоть это радует», – подумал Петя.

Однако расслабляться было нельзя. Судя по выражению лица пассажира, опасность, исходящая от водителя джипа, была нешуточной. А джип приближался. Петя даже сумел разглядеть лицо преследователя – смурная рожа, стальной взгляд, светлые волосы, короткая стрижка, усы...

Проселок петлял как горный ручеек. Поселки кончились, за грязным стеклом проносились поля и перелески. Убогие, почерневшие от дождей деревенские сараи, проржавевшие насквозь железяки, некогда бывшие деталями каких-то сельскохозяйственных машин.

Петя вспомнил юность, когда он, еще начинающий шофер, участвовал в ралли на идеально подходящих для этого дорогах Подмоскovie. Помнится, несколько участников из соцстран – Болгарии, Чехословакии и Польши – не выдержали нашего полного, даже по меркам ралли, бездорожья, сошли с трассы. А наши – ничего. Добре́ли на хилых «Москвичах» и «Ладах».

Руль приходилось постоянно вертеть то вправо, то влево. Между тем дорога становилась все хуже. То и дело попадались «ловушки» – залитые дождевой водой ямы в глубоких

колеях. Каждый водитель знает, что дно у таких ям состоит из мягкой маслянистой глины. Если попал колесом в нее – пиши пропало. Без бульдозера не выберешься.

Петя ловко лавировал, не попадая колесами в глубокие колеи. Оставалось надеяться, что водитель джипа попадет в «ловушку». Но тот, по всей видимости, тоже был не промах. Так что погоня продолжалась.

– Ты че, им деньги должен? – спросил Петя пассажира.

Тот засопел, потом отрицательно помотал головой:

– Да нет...

– А палить он не начнет? – задал Петя вопрос, который мучил его с самого начала этой сумасшедшей погони.

– Может, – дал пассажир неутешительный ответ.

– Ёпсть! – выругался Петя. – Только этого мне не хватало!

Вдруг джип стал стремительно отставать. Видно было плохо, но судя по всему, он таки застрял! А через несколько секунд его забрызганный грязью радиатор скрылся за поворотом. Петя мысленно поздравил себя. И тут же побледнел.

Метрах в десяти на дорогу выскочила машина. Ярко-красное пятно на фоне серого осеннего пейзажа. Это была «девятка» Мамеда! Видно, он решил перехватить Петю и какими-то окольными путями срезал дорогу.

Петя как в замедленной съемке увидел – красная машина тормозит прямо поперек дороги, открывается дверь, оттуда появляется нога... Эта нога, по всей видимости, принадлежит Мамеду...

Оглушительный удар. Лобовое стекло, вмиг превратившись в миллион хрустальных брызг, разлетелось во все стороны. Рулевое колесо неотвратно надвигается на грудь и давит, давит... Брызги крови... Лоскут черной кожи – видно, от куртки Мамеда... Веер разлетевшихся сторублевок... Стало трудно, а потом и невозможно дышать... Перед тем как все погрузилось во тьму, Петя чуть повернул голову. Пассажира не было.

Через полтора часа на обочину Ленинградского шоссе вышел человек. Он был хорошо одет, однако нижняя часть его дорогих брюк представляла собой сплошное месиво из светло-коричневой глины. В таком же плачевном состоянии были его туфли.

Он поднял руку, и тотчас же возле него остановился частник на «Жигулях».

Ни слова не говоря, человек сел на заднее сиденье:
– В центр. Гостиница «Метрополь».

Согласитесь, это странно – клиенты специально едут в Сочи, разыскивают меня, когда в Москве адвокатов пруд пруди. Спасибо Грязнову, удружил. Когда братья Михайловы сказали, что приехали сюда специально для того, чтобы встретиться со мной, я себя зауважал – в первый раз за это утро.

Через полминуты после того, как удалилась горничная, в дверь снова постучали. Это оказалась официантка, которая принесла завтрак на три персоны.

– Но я не зака... – попытался протестовать я, но старший Михайлов спокойно вынул из кармана пухлое портмоне и расплатился. Замечу, этим завтраком не побрезговала бы сама королева Англии. Отдельно в мой номер вкатили маленький столик с напитками.

– Ну что, – сказал Константин Михайлов, – давайте подкрепимся (мы только с дороги) и попутно поговорим о деле.

Я кивнул. Перспектива подкрепиться оказалась как нельзя кстати, учитывая мое катастрофическое материальное положение. Ведь каждому известно, что пустой кошелек – это непременно пустой желудок. Узнав о своей неожиданной неплатежеспособности, я уже начал ощущать голодные позывы желудка, несмотря на отвращение ко всему съестному, вызванное похмельным синдромом. Скажете, я противоречу сам себе? Ничуть не бывало. Вы когда-нибудь видели, какое

количество еды люди поглощают на пляжах и в поездах? А между тем купаться с набитым желудком абсолютно некомфортно. А в поезде укачивает, и переедание там тоже совершенно не к месту. Словом, когда дело касается пищи, логика отходит на второй план...

Впрочем, я отвлекся. Итак, передо мной стоял замечательный завтрак, за который я тотчас же принялся.

Братья съели по бутерброду с икрой, а потом налили себе коньяку (между прочим, настоящий «Камю») и принялись наблюдать за тем, как я поглощаю деликатесы, которыми был уставлен столик.

– Выпьете что-нибудь? – нарушил молчание старший брат.

Мысль о любой алкоголесодержащей жидкости, исключая, пожалуй, только валерьянку, вызывала у меня отвращение, граничащее с ненавистью. Кроме того, реакция организма последовала немедленно, и бутерброд с прозрачным ломтиком янтарного балыка, который я только что отправил в желудок, чуть было не восстановил свое статус-кво на тарелке в несколько измененном виде.

– Нет, спасибо, – пробурчал я, вытирая рот салфеткой, – я, пожалуй, минеральной воды выпью...

Утолив голод, я должен был поинтересоваться, зачем все-таки Грязнов послал этих двух молодцов в такую даль. Должна же быть какая-то причина! Стоило мне открыть рот, чтобы задать прямой вопрос, как старший брат опередил меня:

– Вячеслав Иванович порекомендовал вас как весьма квалифицированного адвоката.

– Спасибо, – отреагировал я.

– Кроме того, важным качеством, которым вы обладаете, Грязнов назвал знакомство с тонкостями следственной работы. Вы ведь работали следователем Генеральной прокуратуры?

– Да, работал.

– Ну вот, – улыбнулся Константин Михайлов, – это именно то, что нам нужно.

Внезапно я вспомнил, что о факте моего отъезда было известно, пожалуй, только... только Славину. В целях конспирации (чтобы не прознала Лена Бирюкова: от озлобленной женщины можно ждать многого, и даже еще больше) я не сказал никому ничего. А с Грязновым мы не созванивались больше месяца. И как же, скажите на милость, меня нашли эти братья?

– Конечно, – будто бы прочитав мои мысли, продолжил Константин Михайлов, – нам пришлось приложить определенные усилия для того, чтобы найти вас. И они, как видите, увенчались успехом.

– Славин раскололся?

Михайлов кивнул.

– Ну хорошо, – взял я быка за рога, – и что у вас ко мне за дело настолько срочное, что вы не могли подождать моего возвращения в Москву?

Братья посерьезнели и придвинулись к столу. Младший вынул из кармана – что бы вы думали? Настоящую сигару в алюминиевой трубке с закручивающимся концом, изящными пальцами вынул ее оттуда, достал из кармана позолоченную гильотинку, обрезал кончик, сунул сигару в рот и поджег ее, щелкнув зажигалкой. Я так подробно описал все действия Владислава Михайлова потому, что и я, и его старший брат наблюдали все эти стадии. Константин с неодобрением, а я просто с интересом. Нечасто все-таки приходится наблюдать курильщика сигар. Последний раз я видел, как курили сигару, по телевизору. Это был циркач Гнеушев.

Между тем младший Михайлов, попыхивая коричневой шутовшиной, совершенно невинно воззрился на нас. Константин укоризненно покачал головой:

– Эх, Слава, не доведет тебя до добра твоя Америка...

Затем он повернулся ко мне и продолжил:

– Вы правы, Юрий Петрович. Дело действительно очень срочное. Вернее, оно стало таким совсем недавно. Поэтому нам и понадобился адвокат. Причем такой, который имел бы опыт следственной работы.

Он вынул из кармана обычные сигареты и тоже закурил.

– Я думаю, лучше будет, если об этом вам расскажет Слава.

– Почему это я? – запротестовал брат.

– Потому что, – терпеливо объяснил Константин, – начало событий связано именно с тобой.

– Ну хорошо.

Он повернулся ко мне и начал:

– Как уже сказал Костя, мы с ним родные братья. Правда, уже много лет мы живем в разных странах. Костя в России, я в Соединенных Штатах... Да и регулярно контактировать мы стали только недавно. Года полтора назад. Но дело не в этом.

Он говорил с заметным акцентом: эмигранты, которые много лет прожили в других странах, имеют акцент гораздо слабее. Владислав Михайлов говорил так, словно он родился не в России. Так оно и оказалось позже.

– Все дело в нашем отце, – продолжал младший Михайлов. – Он был полковником КГБ, разведчиком-нелегалом. Много лет он провел за границей, а потом был осужден как изменник Родины.

С его сигары прямо на пол упал толстенький столбик пепла. Владислав Михайлов не обратил на это ровно никакого внимания и продолжил рассказ.

– Конечно, мы знали о нашем отце, несмотря на то что наша мать погибла в Южной Америке до того, как отец был вызван в Советский Союз и осужден. В подробностях историю мы не знали, но в общих чертах... Однако примерно год назад я получил письмо. Вот его копия.

Он протянул мне лист бумаги. Это была ксерокопия письма, по всей видимости напечатанного на компьютерном принтере. «Плохо, – машинально подумал я, – даже печат-

ная машинка лучше, потому что имеет свои индивидуальные особенности. А принтеры все печатают одинаково».

Вот что было написано на листе:

Владиславу Михайлову

Дорогой Владислав!

Я не могу назвать своего имени, да это и не имеет никакого значения. Уже не имеет. Через несколько месяцев (так говорят врачи) я умру. Рак – дело нешуточное, да и возраст уже не позволяет говорить о каком-то чуде. Поэтому я решил использовать время, оставшееся у меня, для того, чтобы привести в порядок свои дела. Свои земные дела.

Многие годы у меня на душе лежал камень. Многие годы я его носил, потому что не имел права никому ничего рассказывать. Но пришло время, когда я уже могу не обращать внимание на суету мира сего. Кроме того, информация, с которой я хочу вас познакомить, не может уже навредить никому. Иных уж нет, а те далече.

Я работал с вашим отцом, Алексеем Константиновичем Михайловым. Вернее сказать, я был у него в подчинении. Однако я знаю многое из того, что до сих пор составляет важные государственные тайны. После того как ваш отец был отправлен в Москву, меня законсервировали. И за эти долгие годы я не получал никаких заданий. Видимо, так и помру невестребованным...

Недавно я видел вашу фотографию с подписью в «Уолл-стрит джорнал». Я сразу вас узнал. Навел

справки, нашел адрес.

Наверное, вы знаете, что ваш отец был обвинен в измене Родине. Так вот, я хочу вам сказать, что это неправда. Алексей Константинович был человеком кристальной честности и никогда никого не предавал. То, что с ним произошло, – это результат подлого навета. Так что вы можете себя больше не считать сыном предателя.

Это все, что я могу вам сообщить. Больше не позволяет честь разведчика.

С уважением

Подписи под письмом не было.

– Вы, наверное, крупный бизнесмен, раз о вас пишут в «Уолл-стрит джорнал»?

– Я заместитель президента нью-йоркского «Ист-Сайд банка». Это не самый крупный банк, а в газету я попал почти случайно: меня выбрали лучшим менеджером прошлого года среди банковских служащих.

Я повертел лист в руках.

– А конверт, штемпели? – поинтересовался я.

Михайлов-младший махнул рукой:

– Письмо пришло из малюсенького городка в самой глуши Аризоны. Я специально туда ездил. Местные жители никогда в жизни не видели русского, тем более если этот русский – замаскированный разведчик. Я думаю, что в целях конспирации он опустил конверт в случайном городке. Может быть, даже будучи пассажиром проезжающего поезда.

Я вернул лист Михайлову.

– Это интересное письмо. И что вы предприняли?

– Я начал потихоньку интересоваться судьбой отца. Связался с Костей. Давал запросы в архивы. Но вы понимаете – получить информацию о разведчике очень трудно.

– Это мягко сказано, – вставил я.

Михайловы разом кивнули.

– Мы получили несколько отказов и в американских и в российских архивах. Потыкались, куда могли, а потом и бросили это дело. Я уже начал было забывать про эту историю, но однажды, вернувшись домой с работы, обнаружил, что в мое отсутствие в квартире кто-то побывал. Дом был перевернут буквально вверх дном. Ящики выдвинуты, содержимое вывалено на пол. Было такое ощущение, что в квартире побывали грабители. Я, конечно, тут же вызвал полицию. Однако потом выяснилось, что не пропало ничего. Ну ровным счетом. Ценности, документы, среди которых были и важные банковские бумаги, – ничего не пропало. Мой сейф вскрыли, но его содержимое осталось нетронутым! Полицейские решили, что либо я малость тронулся, либо тут замешана любовная история. Вы же знаете легавых – весь свой опыт они черпают из детективных романов. Никаких следов таинственные пришельцы не оставили. Ни отпечатков пальцев, ни оторванных пуговиц, окурков, автобусных билетов или магазинных чеков. И только через пару дней я хватился вот этого самого письма. Я имею в виду оригинал вместе с кон-

вертом. Это письмо оказалось единственным, что пропало после того случая.

Как вы понимаете, Юрий Петрович, это не могло не насторожить меня. Я связался с братом, рассказал ему об этом. И мы, поняв, откуда ветер дует, решили продолжить поиски. Мы разослали письма везде, куда только могли. Но это не принесло никаких плодов. Зато с некоторых пор я начал замечать, что за мной установлена слежка. Ну, знаете, ничего определенного, но постоянно такое чувство, что за тобой следят. Очень неприятное, прямо скажем, чувство. Постоянно в напряжении, не можешь расслабиться. С женой я, конечно, делиться не стал: зачем лишняя нервотрепка. И самое главное – я не понимал, почему, что я такого сделал, что за мной следят. Поначалу я решил, что это просто нервное расстройство от переутомления. Сходил к психоаналитику. Удивительно, но после того, как я ему рассказал о своих опасениях, чувство, что за мной следят, прошло. Но через неделю снова возобновилось. Тогда я вызвал специалистов по поиску средств для слежки. И что вы думаете? И в офисе, и дома, и в машине были обнаружены «жучки». И даже в моем костюме – том самом, в котором я был у психоаналитика.

А на следующий день после того, как были обнаружены «жучки», я чуть не попал в автокатастрофу. У меня сильные подозрения, что она была кем-то подстроена. Я решил, что так жить больше нельзя, отправил жену в Лос-Анджелес (там у меня есть дом), а сам прилетел в Москву, чтобы об-

судить происшедшее с братом. И вы представляете, Юрий Петрович, по дороге из Шереметьева на меня было покушение. Чудом удалось спастись.

– Вы уверены, что это было покушение?

Михайлов-младший горько усмехнулся:

– Ну а как еще назвать погоню и выстрелы? У меня есть серьезные основания полагать, что это как-то связано с делом отца...

Он сделал знак своему брату, чтобы тот продолжил повествование. Константин Михайлов откашлялся и начал:

– Я живу в Псковской области. Занимаюсь экспортом леса. Меня там каждая собака знает. После звонка Славы я поехал в Москву. Потыкался по архивам. Глухо. Везде давали от ворот поворот. Я уж и так, и так, деньги давал – ничего не помогало. Единственное, чего я от них тогда получил, это маленькая справка, что отец был осужден по такой-то статье в таком-то году. А это я и без них знал. Самое главное – не сообщали, какое именно наказание получил отец. Пытался пробиться на прием к начальству – и тут облом. Не принимают меня, и все.

– А что вы хотели? – вставил я. – Речь идет о разведчике.

– Но и о моем отце! – возразил Михайлов-старший.

– Значит, – подытожил я, – вам так и не удалось больше ничего узнать о судьбе отца?

– Нет, удалось. Кое-что.

Михайлов-старший достал из кейса лист бумаги и протя-

нул мне.

– Прочитайте.

На листе значилось:

Федеральная служба безопасности РФ

Исх. № 235346347

Михайлову Константину Алексеевичу

В ответ на Ваш запрос от... сообщаем, что Ваш отец Алексей Константинович Михайлов был осужден военным трибуналом Московского гарнизона в закрытом судебном заседании 18 ноября 1971 года по статье 64 п. «а» к смертной казни – расстрелу. 2 сентября 1972 года приговор был приведен в исполнение.

*Зам. начальника канцелярии
центрального аппарата ФСБ
Российской Федерации
генерал-майор Стаднюк Н. Л.*

Я вернул лист Михайлову.

– Ну и что дальше? Кажется, вы добились того, чего хотели?

Михайлов покачал головой:

– Нет, не все. Вот еще один документ. Взгляните.

Это был пожелтевший от времени обрывок оберточной бумаги. На нем еле проглядывался текст, написанный наполовину выцветшими чернилами. Мелкий, убористый почерк. Видно, писавший экономил бумагу. Я с трудом, по

складам, разбирал слова.

Дорогая Лёля!

Может быть, это единственное и последнее письмо, которое удастся тебе передать. И. В. сильно рискует, согласившись взять его. Вероятно, я получу б.п.п., так что вряд ли я смогу передать хоть какую-то весточку. Не говоря уже о том, чтобы увидеться с детьми. Лёля, я прошу тебя, заботься о них и не допусти, чтобы их отдали в детдом. Постарайся воспитать из них настоящих советских людей.

Прощай, твой Алексей.

– Кто это – Лёля? – спросил я.

– Это сестра отца. Тетя Лёля нас воспитала и вырастила.

– Та-ак, – протянул я, – а кто такой И. В.?

– Не знаю, – покачал головой Михайлов, – я думаю, что это, скорее всего, адвокат. Кто еще мог иметь связь с заключенным, да еще суметь передать записку?

– Да, вероятно. А б.п.п. – это, как я понимаю, «без права переписки». Однако я не вижу ничего особенного в этой записке. Почему она вас так насторожила?

– Эту записку тетя Лёля хранила всю жизнь и передала ее мне только в день моего совершеннолетия. Она хранилась в семейном архиве среди старых фотографий. Но после того как я получил ответ из ФСБ, еще раз внимательно изучил эту записку. И нашел нечто меня поразившее.

Он взял клочок бумаги у меня из руки и перевернул его.

На обратной стороне виднелся чернильный штамп, вернее, остаток его.

– Вот посмотрите, Юрий Петрович.

На штампе значилось:

...ковский сахарорафинадный комбинат
им. Мантулина
...ХАР-РАФИНАД ПРЕССОВАННЫЙ
...торой сорт
...та изготовления 03 января 1973 года

Всего пары секунд мне было достаточно, чтобы понять, в чем дело. А у этого Михайлова действительно светлая голова!

– Итак, ваш отец не мог бы послать эту записку, если бы был расстрелян, как следует из ответа ФСБ, 2 сентября 1972 года. То есть как минимум через три с половиной месяца после этой даты он был жив.

Михайлов кивнул:

– Да. Как ни крути, получается так.

– Может быть, штамп неправильный? – засомневался я.

Но допустить такое значило отойти от фактов. Как минимум неправильную дату на штампе нужно было доказать. А между тем оттиск был довольно четким.

– Хорошо, – подытожил я, – это все очень интересно. Даже захватывающе. Но пока что я не вижу, чем бы я смог вам помочь.

– А я вижу! – категорично заявил старший Михайлов. Бы-

ло видно, что он привык руководить. – И я и мой брат уверены, что в отношении нашего отца было допущено беззаконие. Или судебная ошибка. Мы не можем даже быть уверены, что его действительно расстреляли...

– Можете не сомневаться, – вставил я, – в те годы с теми, кто подозревался в измене Родине, не церемонились...

– ...Тем не менее у нас есть серьезные основания для сомнений. Понимаете, это письмо... Мне кажется, когда смерть стоит за дверью, не до вранья. И потом, автора никто не тянул за язык. Зачем он написал это письмо?

– Если я вас правильно понимаю, вы хотите разобраться с обстоятельствами дела вашего отца?

Михайлов кивнул:

– Да. И я и Слава уверены, что наш отец невиновен. Что вокруг него велись какие-то грязные игры. Мы хотим добиться его реабилитации.

– Но вы же понимаете, что это практически невозможно!

– Почему?

– Хотя бы потому, что это дело – сверхсекретное! Вы ни за что не узнаете правды. Спецслужбы умеют хранить свои секреты. К тому же, если все, что произошло с вашим братом, действительно связано с какими-то тайнами вокруг Алексея Михайлова, эта затея становится очень опасной. Опасной и почти невыполнимой. Мы сможем узнать лишь то, что лежит на поверхности, а не настоящие секреты. Тайны наших спецслужб – КГБ и ФСБ – это айсберг, погруженный в океан

непознаваемого.

Михайлов пожал плечами:

– Это совершенно не факт. Вы как адвокат знаете, что дело можно обжаловать в порядке надзора. В этом случае вы сможете ознакомиться с материалами дела.

– ...И что вы будете делать дальше?

– Я надеюсь, это будете делать вы, а не мы.

Вот те раз! Называется, поутру счастье привалило. Нет уж, господа хорошие, связываться со спецслужбами я не буду ни за какие коврижки!

– То есть вы хотите, чтобы я взял на себя ведение защиты в надзорной инстанции по реабилитации вашего отца?

Братья Михайловы разом кивнули.

– Шансов очень мало, что мы добьемся результатов в Генеральной прокуратуре и Верховном суде. Во-первых, у меня нет достаточного опыта в ведении дел в порядке статьи 371-й Процессуального кодекса.

– Приобретете.

– Во-вторых, я не могу дать никаких гарантий выигрыша...

– А мы и не требуем.

– В-третьих, это совершенно безнадежная затея...

– Ну, надежда всегда есть. Она, как говорится, умирает последней...

– ...И опасная...

– Ничего. Мы дадим вам парабеллум...

Мои возражения, кажется, только раззадоривали Михайловых.

– У меня в Москве много старых дел. Я загружен по уши, и у меня нет времени, чтобы заняться еще одним сложным делом.

Михайлов вынул из кармана пачку долларов в банковской упаковке. Краем глаза я рассмотрел цифры на ней – «\$25 000».

– Это ваш гонорар.

Михайлов положил деньги на стол, через секунду пачку накрыл продолговатый чек, выписанный Владиславом Михайловым.

– А это от меня.

– Причем, – сказал Константин Михайлов, – ваш гонорар не зависит от успешного или неуспешного исхода дела.

Пачка зеленых и чек на столе (кстати, на нем тоже значилась пятизначная цифра) приковывали внимание. Внутренний голос твердил: «Соглашайся, Гордеев, соглашайся! Где еще ты раздобудешь столько денег?!» В конце концов, чего я теряю? Голос разума произнес: «Ты, Гордеев, можешь потерять самое ценное, что у тебя есть, – жизнь». Но я сделал вид, что не слышу этот голос.

– Ну ладно, – наконец произнес я, – официально наше соглашение я оформлю в Москве в нашей юрконсультации. Но имейте в виду, я все равно считаю это дело безнадежным и очень опасным. Второго я не боюсь, а вот по поводу перво-

го хочу, чтобы вы не испытывали никаких иллюзий. Вероятность, что из этой затеи что-нибудь получится, – ноль целых одна сотая процента.

Младший Михайлов разлил коньяк по рюмочкам.

– Я надеюсь, вы не откажетесь выпить за успех нашего дела? Даже с такой маленькой надеждой на успех?

Я взял рюмку, чокнулся с братьями и, преодолевая отвращение к спиртному, выпил. Густая ароматная жидкость чуть обожгла нёбо, согрела гортань и растеклась по внутренностям приятным теплом. Неожиданно я почувствовал себя в сто раз лучше. Голова прояснилась, настроение поднялось, жилы наполнились энергией. Теперь я ни секунды не сомневался в том, что принял правильное решение, согласившись взяться за это дело. Плюньте в лицо тому человеку, который скажет, что опохмеляться – вредно! Человечество за многие тысячи лет своего существования не изобрело средства лучше, чем рюмка хорошего спиртного наутро после пьянки!

Братья с удовлетворением наблюдали, как только что нанятый ими адвокат расправляет плечи, будто сдутый надувной матрас, если к нему подключить компрессор. А Владислав Михайлов не преминул снова наполнить рюмки, которые тотчас же были опустошены.

– Ну что же, – произнес я после второй, когда мне стало совсем хорошо, – хотите, чтобы ваш отец был реабилитирован, значит, будем действовать в этом направлении. Итак, если исходить из того, что Алексей Михайлов был расстрелян

именно тогда, когда указано в ответе на ваш запрос...

– Что весьма сомнительно, если обратить внимание на штамп.

– Я думаю, о штампе нам пока что нужно помалкивать. Для надзорных инстанций этот штампик не имеет никакой доказательной силы. Их задача – пересмотр в порядке надзора вступившего в законную силу приговора. Он будет полезен только после того, как будет установлена невиновность вашего отца в измене Родине. А чекисты как дважды два вам докажут, что этот штамп – просто ошибка сортировщицы. Значит, пока будем придерживаться официальной точки зрения, утверждающей, что приговор в отношении вашего отца приведен в исполнение. Итак, дело по обвинению Михайлова в измене Родине по статье 64 прежнего кодекса по первой инстанции рассматривал военный трибунал Московского гарнизона. Михайлова приговорили к расстрелу. Кассационная жалоба, если она была, рассматривалась коллегией Верховного суда, которая оставила приговор без изменения. Помилование тоже не сработало – Михайлов был расстрелян. Но вероятно, это дело по первой инстанции рассматривала Военная коллегия Верховного суда. А ее приговор окончателен и обжалованию не подлежит. Вот так.

Надо сказать, ни коньяк, ни улучшившееся самочувствие не заставили меня хоть на секунду поверить в успех этой затеи. Однако гонорар нужно было отрабатывать. И я его отработаю на полную катушку.

– ...Обычно, когда подсудимый приговаривается к смертной казни, его адвокат подает кассационную жалобу в суд второй инстанции. Ваш отец и его адвокат имели право обжаловать приговор как в кассационном порядке, так и в порядке надзора и даже обратиться с ходатайством о помиловании к главе государства. Конечно, все это оказалось безрезультатным.

– И как нам действовать теперь?

– Сейчас единственный способ – вести защиту в порядке надзора. Мы заключаем соглашение и попытаемся обжаловать приговор. Надзорная инстанция – Генеральная прокуратура или Верховный суд – истребует дело и ознакомится с ним. Один из вариантов – прекращение дела, конечно, если будет установлено, что ваш отец невиновен в инкриминируемом ему деянии.

Я вздохнул. На словах все это выглядело очень простым. Как же будет на деле...

– Ну что, значит, летим в Москву? – Константин Михайлов встал и застегнул пиджак, как будто к подъезду гостиницы уже был подан трап самолета. – Надеюсь, вас тут не задерживают неотложные дела?

Я помотал головой, взял со стола деньги и чек и засунул их в нагрудный карман рубашки. Приятная тяжесть оттягивала тонкую ткань. Я невольно улыбнулся. Братья Михайловы переглянулись и тоже заулыбались.

– Приятно смотреть на почти счастливого человека, – за-

метил Константин, — особенно если ты сам являешься источником этого счастья...

Москва встретила нас мелким и противным осенним дождем. Однако это меня нисколько не расстроило: честно говоря, мне за эти несколько дней стал надоедать морской курорт. Думаю, даже если бы не приехали братья Михайловы, я бы сбежал оттуда. Воспоминания о девушке Томе, обладательнице молочно-шоколадных ног, похмелье, пропаже денег и разврате с участием бутылки шоколадного сиропа остались где-то далеко-далеко. Меня ждала новая работа, пачка зеленых лежала в кармане, жизнь снова стала прекрасной и удивительной.

Из аэропорта мы сразу отправились на Таганку, в мою юрконсультацию. Там мы составили соглашение о ведении мною защиты в порядке надзора, братья внесли в кассу приличную сумму денег — это помимо моего гонорара. После чего Михайловы отправились в гостиницу (они не собирались долго оставаться в Москве), а я — домой, в свою маленькую холостяцкую квартирку.

Когда я открыл дверь, меня ждал сюрприз. Забыл сказать, что, после того как мы поругались с Леной Бирюковой, я полностью уничтожил все следы ее пребывания в своей квартире. То есть абсолютно — все эти занавесочки с рюшечками, салфеточки на столах, вышитые прихватки на кухне. Жилище настоящего мужчины должно быть скромным, суровым,

обстановка должна быть сугубо деловой – так я рассуждал, собирая в кладовку все Ленины прибаамбасы.

И что я вижу, войдя в собственную прихожую? Самый главный раздражитель, большой плакат со слащавым красавчиком Леонардо ди Каприо, которого я на дух не выношу, опять на своем месте, куда его любовно прикрепила Лена пару месяцев назад! А между тем я перед отъездом снял плакат и, вместо того чтобы разорвать и выбросить, упрятал в кладовку. Я протер глаза. Герой-утопленник не исчез. Рассудив логически, я пришел к выводу, что самостоятельно выбраться из самого дальнего и пыльного угла моей кладовки этот персонаж сексуальных мечтаний несовершеннолетних школьников не мог. Значит, его кто-то оттуда достал. И я кажется догадываюсь кто...

Ответ не замедлил появиться на пороге комнаты. Лена вышла в домашнем халате, фартуке, с веником в одной руке и с мокрой тряпкой в другой. Увидев меня, она моментально постаралась принять по возможности независимую позу и даже упереться руками в пояс, что помешали сделать тряпка и веник.

– Привет, – вымолвил я, совершенно обалдев от неожиданности. Учитывая то, что произошло между нами, визит Лены в мою квартиру, да еще в отсутствие хозяина, да еще с целью уборки, как-то не укладывался у меня в голове. И как, скажите на милость, она проникла сюда? Кажется, ключей у нее не было.

– Привет, – ответила она. Видно, мое неожиданное возвращение было для нее таким же ошарашивающим. – А ты ведь должен был вернуться только через неделю?..

Неуверенный тон Лены придал мне сил.

– Срочные дела, – важно сказал я, – пришлось лететь до окончания срока.

– А-а... Я вот решила тут прибраться. А то ты устроил страшный бардак.

Я надел тапочки и почувствовал себя совсем уверенно.

– А ты как тут оказалась? У тебя вроде не было ключей.

– Мне твоя мама дала ключ.

Вот это новость!

– Ты встречалась с ней?! Зачем?! – воскликнул я.

– Ну как это зачем? – капризноотреагировала Лена. – Надо же мне было обсудить твоё поведение.

– Мое поведение? – Я заподозрил неладное. – И к какому же выводу вы пришли? Просто так, из спортивного интереса.

– Твоя мама, между прочим, считает, что тебе давно пора жениться.

Я попал, что называется, из огня да в полымя. Ни сна ни отдыха измученной душе! Даже в собственном доме я не могу отдохнуть по-человечески.

– Ну вот что, – твердо и строго заявил я, – положи веник, тряпку и хорошенько раскрой уши. Слушай внимательно! Я не собираюсь жениться! Ни на тебе, ни на ком-либо другом. Я лучше съем свой паспорт, как поет какой-то попсовый ис-

полнитель!

Что тут началось! Слезы, крики, обвинения во всех существующих грехах! Собственно говоря, примерно подобного я и ожидал. Если Лена сама явилась, и несмотря на все, что между нами произошло, значит, она действительно и не на шутку запала на меня. Это чревато разными последствиями – например, нытьем о женитьбе. Но ничего. В этом вопросе я умею быть твердым как камень. И смогу противостоять целому полку Лен Бирюковых!

Дальше все развивалось по обычному плану. Крики и ругательства сменились слезами и тихими подвываниями, потом начался поиск чего-нибудь успокоительного, что немедленно и нашлось в баре в виде бутылки коньяку. Ну а потом мы с Леной переместились на мою любимую тахту.

– Ну ладно, – сказала Лена, когда я уже начал засыпать, – не буду тебя третировать женитьбой. Поживем пока так.

– Только одно условие, – пробормотал я сквозь сон, который, впрочем, ничуть не мешал ясности моей мысли, – мы будем жить тут. А в твою новую квартиру можешь сбегать, когда я тебе надоем. Я туда не поеду, пока не заведу свою.

Лена вздохнула, но не сказала ничего.

На следующее утро я проснулся под восхитительный аромат свежеизжаренных гренков, который доносился из кухни. Открыв глаза, я заметил, что мой гонорар, полученный от братьев Михайловых, лежит не в кармане рубашки, а на сто-

ле. Вот они, бабы, всюду свой нос засунут!

– Доброе утро! – произнес я, входя на кухню.

– Привет, – ответила Лена, выкладывая на большое блюдо золотисто-коричневый гренок. Ее спина выражала один большой вопрос. Я видел, как она сгорала от любопытства. Однако я как ни в чем не бывало сел за стол и налил себе чаю.

Вскоре мы сидели и лакомились гренками. Лена поглядывала на меня расширенными от любопытства зрачками. Я молчал.

– Ну как там в Сочи? – бодро спросила она.

– Там, как известно, темные ночи, – стереотипно ответил я.

– Это понятно. А как там... – она запнулась, видимо соображая, как бы перевести разговор на загадочную пачку денег, привезенную мной с южного курорта. Ведь каждому ясно, что на курортах деньги, наоборот, тратят!

– Отвечаю, – пожалел я Лену, – подвернулась работка. Довольно высокооплачиваемая.

Лена тотчас же расплылась в улыбке.

Однако пора было начинать отрабатывать гонорар. План моих действий был прост: нужно во что бы то ни стало получить доступ к делу и ознакомиться с его материалами. По закону отказать мне в этом не имели права. Дело в том, что пересмотр в порядке надзора вступившего в законную си-

лу приговора допускается лишь по протесту того прокурора, председателя суда и их заместителей, которым это право предоставлено законодательством. Протесты на приговоры военных трибуналов приносятся в порядке, установленном положением о военных трибуналах. А теперь трибуналов нет, а есть военные суды. Но у нас, как известно, закон часто стоит всего лишь бумаги, на которой напечатан. Так что, я предполагал, перед тем как я заполучу в свои руки дело Алексея Михайлова, придется побегать и попотеть.

Так и получилось. Первым делом я отправился в военный суд Московского гарнизона. Там меня долго мурыжили по всем кабинетам, а потом потребовали специальный допуск из ФСБ. В общем-то я ожидал именно этого. С запросом из гарнизонного суда я отправился на Лубянку. Дежурный офицер долго изучал принесенные мной документы, а потом заявил, что дело относится к компетенции Службы внешней разведки, и никакие доводы о том, что ответ Константину Михайлову поступил именно отсюда, не возымели никакого действия. Я поехал в СВР...

Не буду утомлять читателя описанием моих долгих и многодневных хождений по кабинетам наших спецслужб. Замечу только, что, если уж Гордеев взялся за дело, он от него не отступит. Я вцепился в спецслужбы мертвой, бульдожьей хваткой. И это принесло свои плоды: меня принимали все более важные персоны. От дежурных офицеров я перешел к заместителям начальников отделов, в чине не меньше май-

ора. Потом к самим начальникам – подполковникам и полковникам. Потом к начальникам управлений – те уже были генерал-лейтенантами и генерал-полковниками. Каждый раз я заполнял массу анкет, в которых разве что не требовалось назвать девичью фамилию моей прабабушки. И в конце концов в один прекрасный день я с очередной бумажкой, исписанной во всех направлениях визами принимающих меня персон, был направлен непосредственно к главе Службы внешней разведки генералу армии Леониду Теребилову. Честно говоря, меня удивило, что с нашим, в общем-то, малозначительным делом я дошел до самого верха. А может, не совсем малозначительным? То, о чем рассказывали братья, свидетельствовало об обратном. А если это так, то не с огнем ли ты играешь, Юрий Гордеев? И не рискуешь ли ты сильно обжечься?

Как бы то ни было, в назначенный день я отправился на прием к директору Службы внешней разведки Леониду Теребилову.

Надо сказать, СВР – это еще то местечко. Куда там зданию РСХА, по которому ходил Штирлиц, эффектно показывая дежурным свое удостоверение. Пропуска, проверки, согласования здесь занимают массу времени. А что вы хотите – разведка!

Через полчаса после того, как я припарковал машину на стоянке у здания СВР, адъютант Теребилова пригласил меня

к нему.

Кабинет оказался весьма скромным. Не по размеру (комната была довольно большой), а по обстановке. Стены обиты деревянными панелями. Массивный стол, книжный шкаф, трехцветный флаг в углу. Маленький столик с двумя десятками телефонов, из которых добрая половина без номеров-набирателей. На стене портрет Ельцина в десантном берете. Вот, собственно, и все.

За письменным столом сидел человек в темно-сером костюме. Генерал Теребилов (а это был, безусловно, он) оказался сухоощавым красивым мужчиной с большими солидными залысинами на голове. Он был неувловимо похож на актера Эммануила Виторгана – та же благородная посадка головы, умные глаза, какой-то ненашенский лоск. Ну еще бы, наверняка этот Теребилов, прежде чем погрузиться в мягкое кресло директора СВР, прошел большую практику работы в разведке – обычно так и бывает. На более или менее публичные должности в разведслужбах выдвигают «отработавших свое» резидентов.

Я подошел к столу. Теребилов жестом указал на стул.

– Здравствуйте, Юрий Петрович, – сказал он, приветливо улыбаясь. Его глаза лучились искренностью и добротой.

«Это профессиональное», – подумал я, решив не поддаваться на приветливый тон разведчика-профессионала.

– Добрый день.

Теребилов вынул из папки лист бумаги, в котором я узнал

свое заявление, и положил его перед собой.

– Мне доложили о вашем деле. Вернее, о деле Алексея Михайлова. Итак, вы хотите получить доступ к архивным материалам? Вернее, к засекреченному делу?

– Да.

– Это сложно, – нахмурил лоб Теребилов, – очень сложно. Думаю, почти невозможно.

Он сокрушенно покачал головой.

– Но ведь по закону...

Теребилов поднял ладонь, как бы показывая, что законы он знает не хуже меня.

– Все верно. Однако, вы понимаете, тут не все так просто. Государственная безопасность, государственные тайны... В деле Михайлова содержатся сведения, знакомиться с которыми могут только лица с определенным, очень высоким уровнем доступа. Вы обладаете уровнем доступа, Юрий Петрович?

Я вынужден был признать, что не обладаю. Даже самым низким уровнем.

– Вот видите. Значит, если к вам в руки попадут секретные документы, безопасность государства окажется под угрозой.

– Ну а как же адвокат самого Михайлова, который защищал его во время суда?

– Военный трибунал, уважаемый Юрий Петрович, – это не просто суд. И все люди, принимающие участие в процес-

се, тоже не простые. В том числе и адвокаты. Защитник был из специальной коллегии, которые в то время существовали. Теперь таких нет.

Ничего, ничего. Пусть говорит. Хотя Теребилов и важная шишка, дать мне ознакомиться с делом он обязан. И никуда ему не деться.

Теребилов вздохнул:

– И что этим Михайловым приспичило добиваться пересмотра дела и реабилитации отца? Все равно это бесперспективная затея. Вы не находите, Юрий Петрович?

Конечно, я считал точно так же. Однако не мог же я согласиться с моим оппонентом.

– Ну почему же, – сказал я, – надзорные инстанции истребуют дело по моей жалобе и разберутся в сути и доказанности обвинения.

– А что, у вас есть сомнения в правильности приговора по делу Алексея Михайлова?

– Иначе бы мы не затевали все это, – ответил я.

Теребилов помолчал, потом размеренно произнес:

– Алексей Михайлов – изменник Родины. Я понимаю, что его сыновьям не очень хочется мириться с тем, что их отец – государственный преступник, но тут ничего не поделаешь, именно таковым он и является. И я не понимаю, зачем это нужно – спустя столько лет ворошить старое. Кстати говоря, свидетели по этому делу еще работают в органах. И при необходимости смогут подтвердить свои показания. Вы же пони-

маете, что от своих показаний никто не откажется. Так что затея бессмысленная.

– Тем не менее я прошу разрешить мне ознакомиться с делом Михайлова.

– Эх, – воскликнул Теребилов, – ну и время пошло! Все, как один, считают свои долгом побольнее уколоть спецслужбы! КГБ уже выставили чуть ли не главным преступником двадцатого века! Этот предатель Суворов понаписал массу гадостей о ГРУ. Вот-вот за нас возьмутся. А интересно, что бы стало со страной, не будь спецслужб? А? Я вас спрашиваю?

Я пожал плечами. Теребилов явно накручивал сам себя – обычная манера больших начальников. Это надо просто переждать, и все.

– А-а, не знаете? – продолжал распространяться Теребилов. – Зато я знаю. Не было бы страны, вот и все! Погибла бы! Исчезла с лица земли! С географических карт! Сколько героев-чекистов погибло, защищая безопасность страны? Сколько сейчас гибнет?! А когда мы поганой метлой вымеем из наших рядов изменников и предателей, обязательно найдутся фальшивые либералы-правдолюбцы, которые вмешиваются не в свое дело и мешают работать.

Последний пассаж был явно адресован мне лично, но я сделал вид, что не обратил внимания.

– А какой ущерб нам принесли годы так называемых реформ? Сколько разных пертурбаций мы перенесли? Как еще

мы остаемся на плаву – не понимаю. И тут приходите вы и наносите еще один удар – требуете реабилитировать предателя.

– Я не требую, – спокойно повторил я, – в этом разберутся генеральный прокурор и председатель Верховного суда. Кроме того, я не считаю, что мое обращение в надзорные инстанции может принести какой-то вред спецслужбам. Потому что, в конце концов, все мы стремимся к достижению истины. Не исключаю, что прокуратура и суд не посчитают необходимым внести протест на состоявшийся приговор, давно вступивший в законную силу.

Теребилов успокоился и опять вздохнул.

– Я, конечно, понимаю, Юрий Петрович, Михайловы пообещали вам большой гонорар в случае успеха дела. Однако имейте в виду: заработать эти деньги вам будет очень трудно. Очень.

Он посмотрел мне прямо в глаза, и я наконец-то понял, что на самом деле означает словосочетание «стальной взгляд». Именно таким был взгляд генерала Теребилова. От этого взгляда хотелось убежать, скрыться, исчезнуть. Да, его подчиненным не позавидуешь!

– И я вам советую оставить это дело, отказаться от ведения защиты по делу Михайлова в надзорной инстанции, – продолжал Теребилов, – все равно ничего путного не выйдет, а в вашей карьере станет одним проигранным процессом больше. Не думаю, что такая перспектива является ва-

шей целью.

Я пожал плечами:

– А я надеюсь на благоприятный исход.

– Почему, – прямо спросил Теребилов, – на каком основании вы делаете вывод, что в отношении Михайлова была совершена судебная ошибка? У вас есть какие-нибудь факты?

Он опять устремил на меня свой стальной взгляд, который, казалось, пронизывает насквозь и упирается в противоположную стену.

– У меня есть основания полагать, – ответил я уклончиво, – что Михайлов, возможно, не является преступником в той мере, каковой его в свое время признал трибунал.

– Какие основания?

– Об этом я смогу судить, только ознакомившись с материалами дела. Известно, что времена меняются и общественная опасность некоторых прежних деяний нынче равна нулю.

– Имейте в виду, Юрий Петрович, – строго сказал Теребилов, – если вам известны какие-нибудь факты, касающиеся обеспечения безопасности страны, вы как гражданин обязаны ознакомить с ними нас.

– Я обещаю вам, что, как только мне станут известны подобные факты, я сразу же попрошусь к вам на прием. А пока что просьба у меня одна – дать разрешение на доступ к материалам уголовного дела Михайлова.

Генерал Теребилов откинулся в своем кресле и громко

фыркнул. Это должно было, видимо, означать: «Ну и упрямец же ты, Гордеев». Несколько секунд он глядел в потолок, потом наконец проговорил:

– Ну ладно. Я дам разрешение на ознакомление с делом Михайлова. Ознакомление будет происходить здесь, в этом здании.

Он поставил размашистую визу на свободном уголке моего заявления и протянул мне бумагу:

– Я уверен в том, что приговор в отношении Алексея Михайлова вынесен совершенно законно и обоснованно. Поэтому не могу пожелать вам удачи в этом деле.

Я попрощался с генералом и вскоре ехал домой. Первый раунд я выиграл. Теперь можно считать, часть гонорарной была отработана.

На следующий день, ровно в назначенное время – в десять утра, я был в СВР. Специальный приставленный ко мне офицер долго вел по извилистым коридорам, мы то поднимались по лестницам, то спускались. В конце концов он привел меня в комнату без окон. Из мебели здесь был только стол и два стула. На столе помещалась старомодная лампа из черного эбонита. Думаю, такие еще использовали следователи НКВД, чтобы направлять их в лица допрашиваемых.

– Подождите здесь, – почти лишенным интонаций голосом произнес офицер и скрылся за дверью.

Я сел на стул и стал ждать.

Через несколько минут офицер появился снова, держа в руках потрепанную папку. Интересно. Судя по всему, дело хранилось не в военном суде гарнизона, а здесь, в спецхранилище Службы внешней разведки. И еще. Неужели дело об измене Родине Михайлова уместилось в одном томе?

Офицер подошел к столу, положил на него папку. Принес он и десяток листов писчей бумаги, и ручку.

– Вы можете делать выписки из дела, свои записи, – сказал он, – которые потом будут просмотрены. Приступайте.

– Сколько у меня времени?

– До конца дня. Если не успеете, можете продлить до завтра. Если понадобится еще время, придется получать новое

разрешение.

Он отошел от стола и сел на свободный стул. Видимо, он не спустит с меня глаз, пока я буду работать с делом. Ну что ж, придется действовать в обстановке тотального контроля. Статья 51 УПК, где говорится о правах и обязанностях защитника, разрешает мне знакомиться с делом в любом объеме и без ограничения сроков. Но тут разведка, и мне пришлось смириться с нарушениями моих прав.

Я открыл папку и перелистал пожелтевшие от времени страницы. Протоколы допросов, постановления следователя, справки... Конечно, как я и предполагал, некоторые страницы оказались изъяты из дела. К тому же папка, которую мне принесли, представляла собой компиляцию из разных томов дела. Не оказалось обычной для следственных томов уголовного дела прошивки с печатью на последней странице и описи материалов с указанием количества листов. Нумерация была разнокалиберной и непоследовательной. Кроме того, некоторые места документов старательно вымараны чьей-то заботливой рукой. Видно, руководство посчитало, что я не могу ознакомиться с делом Михайлова целиком. Ну что же, хотя тут явное нарушение пятьдесят первой статьи, видимо, ничего не поделаешь. Если я начну возмущаться, что дело в таком состоянии, это не приведет ни к чему. Никто уже не сможет доказать, когда именно – я имею в виду хронологию – была проведена «ревизия». Придется довольствоваться малым...

Итак, из материалов следовало, что уголовное дело возбуждено на основании рапортов двух работников посольства СССР (и по совместительству сотрудников КГБ) в Аргентине о том, что, по их мнению, Алексей Михайлов ведет двойную игру, то есть сотрудничает с вражескими разведками. Видимо, эти сотрудники (их имена были стерты) исполняли функции контроля над деятельностью Михайлова. В виде доказательств были приведены факты многочисленных контактов с высокопоставленными лицами Аргентины и Уругвая, главами военных ведомств и даже спецслужб. В сухих строчках рапортов сквозила досада, что деятельность Михайлова не «представляется возможным полноценно контролировать». Дальше в деле содержался отчет специальной комиссии, которая должна была негласно проверить содержащиеся в рапортах сведения. Комиссия пришла к выводу, что действительно Михайлов является «по совместительству» агентом ЦРУ. После чего Михайлова вызвали в Москву. Дальше шли многочисленные допросы сотрудников внешней разведки. Очные ставки этих сотрудников с Михайловым. Он поначалу все отрицал, но постепенно, видимо под грузом неоспоримых улик, признался. Все. Трибунал. Приговор. Расстрел.

Дело было ясным и прозрачным как стеклышко. В огрызке, который мне представили для ознакомления, не было ни малейшей зацепки.

– Где здесь можно покурить? – спросил я у офицера.

– Как выйдете, сразу направо. Курительная комната, – лаконично ответил тот, – с собой ничего не брать.

Да, не хотел бы я тут оказаться в качестве обвиняемого или хотя бы подозреваемого! Бесцеремонность в отношении к людям здесь какой-то просто профессиональный навык.

Я вышел из комнаты. Коридор был пуст, если не считать дежурного, который сидел за маленьким столиком в торце и читал газету. Однако, стоило в поле его зрения появиться движущемуся предмету, то есть мне, он моментально оторвался от газеты и стал наблюдать за вверенным участком. Да, тут действительно ни шагу нельзя сделать бесконтрольно.

В курительной комнате тоже было пусто. Зеркало на стене, пара пепельниц на столике, сизый дымок под потолком. На стенах угрожающие надписи – «ВЕДЕНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ НА СЛУЖЕБНЫЕ ТЕМЫ СТРОГО ЗАПРЕЩЕНО!» Я присел на диванчик и вынул сигареты. Что ж, я и не собираюсь вести никаких переговоров вообще, в том числе и на служебные темы.

Итак, после прочтения материалов дела можно считать затею братьев Михайловых окончательно провалившейся. Что они покажут в суде, даже если предположить тот невероятный факт, что надзорная инстанция отменит приговор и дело будет вновь рассмотрено в общем порядке в суде первой инстанции? Письмо без адреса и подписи, напечатанное на принтере, вернее, рассказ Владислава Михайлова о том, что

у него его украли? Комично. Ключок бумаги со штампом сахарорафинадного завода? Смешно. Еще один рассказ Михайлова о том, как на него было совершено покушение по дороге из Шереметьева? А какое отношение это имеет к делу его отца, спросят в суде? Вот и все.

Ведомство, куда я попал, представлялось мне какой-то неколебимой твердыней, с которой бороться абсолютно бессмысленно, даже если бы у меня на руках оказались документы, подтверждающие невинность Михайлова. А так, без ничего пытаться добиваться призрачной правды...

Я уже собрался затушить почти догоревшую сигарету, как в комнату вошел еще один человек. Это был пожилой мужчина, почти старик, одетый в аккуратный, немного старомодный костюм с небольшой орденской планкой. Я перехватил быстрый взгляд из-под седых мохнатых бровей. Проходя мимо меня, он уронил пачку сигарет, которую держал в руках. Я автоматически нагнулся, поднял сигареты и подал их старику. Он взял и, глядя прямо мне в глаза, вместо «спасибо» быстро произнес:

– Сегодня. Двадцать тридцать. «Тургеневская». Середина зала.

При этом он улыбнулся и кивнул, как будто бы действительно благодаря меня за любезность. Во всяком случае, со стороны это должно было выглядеть именно так. Затем старик как ни в чем не бывало прошел в дальний угол комнаты, сел на диван и закурил.

Знаете, наверное, каждый советский мальчишка любил играть в разведчиков. Старшее поколение воспитано на фильмах «Подвиг разведчика», «Щит и меч», серия о Резиденте... Следующие – на «Мертвой зоне» и незабвенном Штирлице. Помню, когда я учился в школе, мы играли в героев «Семнадцати мгновений», причем все почему-то хотели быть Шелленбергами или, на худой конец, Мюллерами... Пуленепробиваемый и неуязвимый Штирлиц уже тогда вызывал только улыбку, особенно на фоне сюрреалистичных анекдотов о нем.

Время прошло, и вот я в Службе внешней разведки. Эти коридоры, кабинеты, возможно, эта самая курилка помнят массу разведчиков почище Штирлица. И что? Меня только что вызвали на явку? Или это выживший из ума резидент в отставке решил вспомнить молодость?

Я покосился на старика. Тот как ни в чем не бывало попыхивал своей сигаретой. На меня он не глядел.

Ну как бы вы поступили на моем месте? Подойти и переспросить? А вдруг он действительно хочет сообщить мне что-то важное? Угрожающие надписи на стенах о недопустимости ведения служебных переговоров остановили меня.

Я был заинтригован и озадачен. Сунув потухшую сигарету в пепельницу, я встал и, перед тем как выйти, еще раз оглянулся на старика. Тот еле заметно подмигнул...

Понятно, что все остальное время, отпущенное мне, я сидел как на иголках, что не помешало мне основательно изу-

читать дело Михайлова. Впрочем, ничего особенного я там не обнаружил. Ни одной зацепки. Доказательства были тщательно выстроены и убедительны, имена свидетелей остались неизвестными, хотя я уверен, что это все равно бы ничего не дало.

На всякий случай договорившись, что продолжу изучение дела Михайлова еще и завтра, я покинул Службу внешней разведки.

Хорошо что встреча назначена не на час пик. К половине девятого метро постепенно пустеет. Правда, хорошо ли это для «конспирации»? Хотя пусть по этому поводу голова болит у чекиста...

Я припарковал машину недалеко от станции и спустился в метро.

Честно говоря, я ощущал себя просто как мальчишка, поверивший в идиотскую, неправдоподобную шутку. Кому-нибудь рассказать, даже такому выдававшему виды человеку, как Грязнов, – не поверят. Поднимут на смех. Будут издеваться до конца жизни...

И все-таки я пошел на встречу. Может, просто из спортивного интереса, но пошел.

Я стоял прислонившись к мраморной стене. Прохожих было мало, и ни один из них не походил на моего старика. Между тем стрелки часов показывали без двадцати пяти девять. Подожду еще пять минут и пойду, решил я.

Вскоре мимо меня прошел старик из курилки. Именно так – прошел, будто бы меня не замечая. Я его сразу узнал и невольно подался к нему. Но старик только зыркнул глазами из-под мохнатых ресниц и прошипел:

– Идите в конец станции. Отдельно от меня.

В этот момент как раз прибыла очередная электричка, так что ему пришлось сказать это довольно громко.

Я двинулся за ним на некотором расстоянии. Старик шел довольно медленно, и мне пришлось подстраиваться к его походке. Честно говоря, если бы кто-нибудь действительно следил за ним, определить, что мы как-то связаны, не составило никакого труда: моя черепашья скорость наверняка сразу бросилась бы в глаза...

Старик встал на эскалатор. Потом, наверху, он миновал стеклянные двери и свернул направо. Вышел на улицу и, обойдя здание метро, направился к Чистопрудному бульвару. Однако внезапно встал на остановке трамвая.

Через пару минут дребезжащее всеми частями транспортное средство подкатило к нам. Немногие пассажиры заняли места – трамвай остался наполовину пуст. Я уселся через два ряда кресел за стариком. Трамвай отъехал. Спустя некоторое время старый конспиратор оглянулся, окинул взглядом салон трамвая и, видимо не обнаружив ничего подозрительного, встал, вынул из кармана талончик и направился ко мне.

– Пробеите, пожалуйста.

Я неумело воспользовался висящим рядом компостером

(черт, я уже не помню, когда последний раз ездил общественным транспортом) и подал талон старику. Он взял его, положил в карман и негромко сказал:

– Через одну остановку выходим.

Он снова сел на свое место.

Снаружи моросил мелкий дождик. Капли размазывали грязь по стеклам трамвая. Асфальт потемнел, а немногие прохожие как по команде достали припасенные зонтики. Между тем трамвай все дальше увозил от моей машины, одиноко стоявшей рядом с метро.

Наконец трамвай остановился и старик заторопился к выходу. Я последовал его примеру, уже схватился за поручень у дверей, как мне на плечо легла чья-то тяжелая рука.

– Ваш билет!

Здоровенный детина, которому больше подошла бы работа комбайнера или кузнеца, стоял за спиной.

Я видел, как старик уже обходил трамвай. Спереди, в полном соответствии с правилами дорожного движения. Надо было спешить.

– Нет талона, командир... – бросил я и поставил ногу на ступеньку. Однако железная длань контролера схватила меня пониже локтя.

– Оплачивайте штраф!

Богатырь мерзко улыбался и, наверное, мысленно потирал руки в предвкушении очередной поживы.

Старик уже скрылся в темноте. Я сунул руку в карман и

вынул несколько купюр.

– Сколько?

– Десять рублей.

Я сунул ему деньги, но в этот самый момент двери захлопнулись и трамвай поехал!

Бросив на контролера такой взгляд, что ему, скорее всего, не захотелось больше жить на этом белом свете, я кинулся к водителю:

– Остановите, пожалуйста.

– Не положено.

– Но мне очень нужно.

– Не положено.

– Я пропустил остановку.

– Не положено!

– Я заплачу!

– Не положено.

Видно, его лексикон не радовал богатством и разнообразием. Водитель захлопнул дверь своей кабинки прямо перед носом.

Я готов был прибить контролера на месте. Но через несколько секунд трамвай снова остановился, и я вылетел из него как пробка.

Куда бежать? Старик, судя по всему, направлялся на бульвар. Может быть, он ждет меня на одной из скамеек? Я пошел по бульвару. Вот и та злосчастная остановка. Я огляделся.

Никого.

Минут десять я бродил по пустынному темному бульвару. Старик как сквозь землю провалился. Ну не мог же я в самом деле звать его голосом: «Старик из СВР, отзовитесь!»

Ничего не оставалось, как только вернуться к машине.

Итак, что это было? Я терялся в догадках. Либо дурацкий случай с контролером помешал мне получить ценную информацию, либо я стал жертвой розыгрыша или даже безумных идей сумасшедшего разведчика в отставке. А может быть, это просто какая-то провокация? И та, и другая, и третья версии имели право на существование, однако я чувствовал, что не все здесь так просто.

Предположим, что все опасения и догадки братьев Михайловых истинны. Что получается? Справка из СВР о расстреле Алексея Михайлова – ложь. Затеяв расследование, они наступили кому-то на старую, уже почти зажившую мозоль. Эти неизвестные организуют покушение на Михайлова. Только вот зачем? Конечно, это ему прислал письмо неизвестный отставной разведчик, письмо, которое потом было выкрадено. Он предпринимал какие-то шаги – например, ездил в городок, название которого стояло на почтовом штампе... Видимо, стоит предположить, что Владислав Михайлов представляет большую опасность для этих пресловутых неизвестных, чем его брат.

Ну а теперь, Гордеев, ответь-ка на простой вопрос. Теперь, когда братья убрались из Москвы, а ты занимаешься

изучением дела, а вернее, адвокатским расследованием, теперь кто представляет большую опасность для неизвестных?

Ответ был прост, но от него мороз шел по коже. Я. Я представлял наибольшую опасность в данный момент. Да, Гордеев, дорого тебе обойдутся зеленые бумажки!

Значит, надо ожидать каких-то неожиданностей? А не был ли случай со стариком одной из них? Либо это только прелюдия?

Если честно, мне совершенно не хотелось вступать в единоборство со спецслужбами. Кто одержит верх, и так ясно, без всякой проверки. Тем более кто я есть? Обычный адвокат. Я даже пистолет носить не могу, чтобы отстреливаться от врагов.

А теперь, Гордеев, опять ответь на вопрос. Тебе это надо?

Я неторопливо ехал домой. Часы на приборной доске показывали начало десятого. Редкие машины проносились мимо, шурша по мокрому асфальту Садового кольца. Фонари отражались в лужах. Прохожих почти не было.

Итак, стоит ли игра свеч? Кому будут нужны заработанные честным трудом зеленые купюры, если мой хладный труп обнаружат где-нибудь в подмосковных лесах. Конечно, таких денег хватит, даже чтобы купить место на Ваганьковском кладбище, но, скажу честно, мне не нравится это место в качестве обителища.

И самое главное, я не видел никакого смысла в изучении обстоятельств дела Михайлова и моем адвокатском, то

есть частном, расследовании. Ну выясним мы, что Михайлова расстреляли годом или двумя позже, что это даст его сыновьям? Ну реабилитируют его, то есть признают невиновным (предположим даже такой фантастический исход), и что дальше? Стоит ли ради этого рисковать? Ведь человек уже мертв. Ему эти судебные решения нужны как козлу пассатижи.

Однозначно, как говорит известный политический персонаж. Не стоит.

Все. Завтра же звоню Михайловым. И тому и другому. Отказываюсь от дела. Скажу, что сильно заболел. Отдам все деньги – из них потратил совсем немного. Провались все пропадом. С радостью пойду на замену – пусть возьмут другого адвоката.

Впрочем, почему завтра? Надо звонить сегодня! Сейчас! Да, именно сейчас! Чтобы спать спокойно.

Я полез в портфель за сотовым телефоном. Ах проклятье! Сегодня утром я его забыл дома! То-то я смотрю, никто не звонит – обычно на протяжении дня мой телефон почти постоянно пытается всеми доступными ему средствами обратить на себя внимание – звонит, мигает лампочками, вибрирует.

Ну ничего. Приеду домой – тут же позвоню.

На дороге почти не было машин, и я поддал газу. Замелькали тени от фонарей. Капли на стекле быстро превращались в водяные дорожки.

Впереди показались два больших светящихся глаза. «КамАЗ», – автоматически подумал я, увидев, на какой высоте находятся фары. Через секунду я уже мог различить желтую кабину и темные очертания фигуры за большими стеклами.

Что произошло в следующие секунды, я могу описать очень подробно. Я запомнил каждое движение, каждый поворот. Как будто у меня в голове застряла пачка фотографий, которые можно смотреть одну за другой бесчисленное количество раз...

Но я не буду утомлять детальным описанием. Все произошло буквально за две-три секунды, и нет смысла отнимать описанием большое количество времени.

Раз – «КамАЗ» оказался прямо у меня перед носом. Два – в голове пронеслось, что столкновение неизбежно. Три – мои руки стали действовать автономно от команд мозга, повинувшись лишь инстинкту выживания, они вывернули руль до отказа. Четыре – удар, стекло покрылось сетью трещинок, громада грузовика промчалась мимо, как борт гигантского корабля, все вокруг внезапно перевернулось. Пять – моя машина, долю секунды пробалансировав на двух колесах, тяжело повалилась на бок. А потом и на крышу. Я уперся головой в жесткую обивку потолка и увидел через боковое окно асфальт. Он был очень близко, я мог разглядеть каждый камешек, каждое вкрапление в темно-серой массе.

Я уже не первый раз попадаю в автомобильные катастрофы. И знаю, что первым делом надо произвести ревизию

всех органов. Проще говоря, проверить, что руки-ноги целы. Конечно, вертеть головой тут не рекомендуется – недаром американские спасатели (как это показывают по телевизору) первым делом надевают на шею пострадавшему широкий пластмассовый хомут, чтобы зафиксировать голову в определенном положении.

Я осторожно подвигал ногами и руками. Никаких болевых ощущений это не принесло. Тогда я осторожно уперся руками в крышу (в данном случае для меня это был пол) и постарался перевернуться на бок. Это удалось без всяких трудностей. Подергав за ручку двери, я убедился, что ее заклинило. Что ж, было бы странно, если бы это не произошло. Пришлось вылезти в окно, благо это удалось без особых хлопот.

Итак, на вашем покорном слуге не было и царапины. А все благодаря замечательной реакции! Если бы не она, мой четырехколесный друг превратился бы в слоеное пирожное. Ну а я – в начинку.

Через минуту нагрянула милиция, вызванная бдительными жителями окрестных домов. В ход пошли протоколы, акты, показания...

Возвращаясь домой на такси, я с горечью размышлял о том, что не успел продемонстрировать клиентам свою болезнь и отказаться от этого проклятого дела – ставлю потрепанный том с материалами следствия тридцатилетней давности против тридцати тысяч долларов за то, что дьявольский механизм устранения нежелательных свидетелей, кото-

рый уже успели испытать на себе братья Михайловы, начал работать и против меня. Ну ничего, ничего, Гордеев. Сейчас приедешь домой – и сразу за телефон. Я не самоубийца, чтобы сражаться со спецслужбами!

Короче говоря, домой я попал около двенадцати. К большому моему удивлению, Лены дома не оказалось. Квартира пропахла чем-то горелым. Неспроста все это! К тому же куда-то запропастился и сотовый телефон...

Когда раздался телефонный звонок, Лена Бирюкова без всякого интереса смотрела по телевизору очередной мексиканский сериал. Латиноамериканские страсти ее не слишком привлекали, гораздо больше ее интересовало состояние пирога с яблоками и клюквой, который она впервые в жизни решила испечь. Ее богатый жизненный опыт, однако, исключал всякие знания о домоводстве, поэтому Лена воспользовалась рецептом, извлеченным из какого-то старого журнала. Рецепт был элементарно прост, но Лена жутко волновалась, как всякий человек, делающий что-то впервые. Пирог еще только пять минут находился в духовке, а Лена уже боролась с непреодолимым желанием открыть дверцу и посмотреть, как там поживает ее произведение. Ее сдерживала только строгая предостерегающая надпись в рецепте, сделанная (видимо, в расчете на неумелых хозяек) жирным шрифтом и предупреждавшая, что если дверцу духовки открыть, то пирог непременно «сядет». Куда и как он «сядет», Лена представляла весьма смутно, однако судьбу решила не испытывать. Тем более ей так хотелось сделать сюрприз Юре, с которым (тьфу-тьфу-тьфу!) вроде опять стало налаживаться... Чтобы отвлечься от назойливых мыслей, она села перед телевизором, не забывая постоянно поглядывать на часы. И в этот момент раздался телефонный звонок.

Лена подняла трубку телефона, стоявшего рядом, на століке, но услышала только отбойные гудки. Звонки, однако, не прекращались. Поначалу Лену это озадачило, а потом она вспомнила, что у Юры где-то был сотовый телефон. Только вот где?

Она вышла на середину комнаты, чтобы сориентироваться. Телефонные звонки раздавались из кабинета. Стрелка часов медленно преодолела еще минуту. До готовности пирога оставалось еще двадцать.

В конце концов найдя трубку, Лена ответила:

– Да, я слушаю.

– Мне нужен Юрий Петрович, – раздался взволнованный женский голос.

– Его нет дома, – сказала Лена сухо и холодно, как бы давая понять неизвестной особе, что на стоянке больше мест нет, все занято и ловить уже нечего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.